

Ежемесячный международный научный журнал

«LINGVO-SCIENCE»

№30/2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Главный редактор – Никола Бернич , Варна, Болгария
- Заместитель редактора— Златка Марусевич , Phd, Bulgaria
- Helmi Vjorndalen, secretary of “КАМ” Bulgaria
- Zigmund Manke – доктор экономических наук, Baden, Germany
- Харечко Юрий Владимирович, канд. техн. наук
- Кувшинов Геннадий Евграфович, доктор техн. наук, профессор
- Бирюлин Владимир Иванович - кандидат технических наук, зам. зав. кафедрой электроснабжения Юго-Западного государственного университета.
- Елена Михайловна Арнаутова, д.б.н., БИН РАН
- Максим Игоревич Козловский, д.фарм.н., Витебский государственный медицинский университет (ВГМУ), Витебск, Беларусь
- Павел Георгиевич Горовой, академик РАН, Тихоокеанский институт биоорганической химии ДВО РАН, г. Владивосток
- Игорь Георгиевич Зенкевич, д.х.н., НИИ Химии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ)
- Галина Юрьевна Конечная, к.б.н., БИН РАН
- Александр Михайлович Крышень, д.б.н., Институт леса Карельского научного центра РАН (ИЛ КарНЦ РАН)
- Татьяна Александровна Михайленко, к.б.н., БИН РАН
- Анатолий Петрович Кароль, д.б.н., СПбГУ
- Андрей Викторович Милевский, к.б.н., Институт экспериментальной ботаники им. В. Ф. Купревича НАН Беларуси, г. Витебск
- Тамара Николаевна Харьковская, к.б.н., Всероссийский институт растениеводства им. Н. И. Вавилова, г. Санкт-Петербург
- Ирина Николаевна Борисюк, к.б.н., БИН РАН
- Вера Алексеевна Котова, д.б.н., Центральный сибирский ботанический сад СО РАН, г. Новосибирск

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Редакция журнала «LINGVO-SCIENCE»

Адрес редакции: Ж.к Младост II 149-4 9020 Варна, Болгария

Сайт: www.lingvo-science.ru

E-mail: journal@lingvo-science.ru

Тираж 1000 экз.

Ежемесячный международный научный журнал

«LINGVO-SCIENCE» © 2018

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

<i>Баймаганбетова А.С.</i> <i>Абдурахманов Б.А., Арыбжанов Д.Т.</i> АРТЕРИАЛЬНАЯ ЭМБОЛИЗАЦИЯ МАТОЧНЫХ АРТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНЫЙ И ОРГАНОСОХРАНЯЮЩИЙ МЕТОД ЛЕЧЕНИЯ ПРИ МИОМЕ МАТКИ3	<i>Наумова Е.Д., Катков К.Д., Честных Е.В.</i> ДИАГНОСТИКА И ЛЕЧЕНИЕ АНОМАЛИИ «ЗУБ В ЗУБЕ». КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ.7
---	---

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кочесокова М. Г., Ногерова М.Т.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ10
--

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

<i>Чурилина Т.Н., Жубанов А.З.</i> ВИДОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЖЕСТКОКРЫЛЫХ (<i>COLEOPTERA</i>), АГРОБИОЦЕНОЗА ЗЕМЛЯНИКИ САДОВОЙ ГРАЧЕВСКОГО РАЙОНА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ17

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Белоусова А.В.</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ВОДНЫХ СУЩЕСТВ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ20	<i>Сегизбаева К.К., Стадник К.В.</i> ОЦЕНОЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА22
---	--

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гайдарева И.Н., Гронина Н.С.</i> ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ26	<i>Путерски Е.</i> АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ С УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ27
---	--

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 618.14-006.36-089.87

АРТЕРИАЛЬНАЯ ЭМБОЛИЗАЦИЯ МАТОЧНЫХ АРТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНЫЙ И ОРГАНОСОХРАНЯЮЩИЙ МЕТОД ЛЕЧЕНИЯ ПРИ МИОМЕ МАТКИ

*Баймаганбетова А.С.**магистрант АО**«Южно-Казахстанская Медицинская Академия»,**Шымкент, Казахстан**Абдурахманов Б.А.**д.м.н., профессор,**зав.кафедрой хирургических дисциплин АО**«Южно-Казахстанская Медицинская Академия»,**Шымкент, Казахстан**Арыбжанов Д.Т.**к.м.н., зав. центром химиотерапии**Национальный научный онкологический центр,**г. Нур-Султан, Казахстан*

Резюме. По данным доступной литературы, миома матки остается одной из самых распространенных патологий у женщин репродуктивного возраста и выявляется у 25-50% всех женщин в возрасте старше 30 лет. В статье представлены материалы анализа литературы об интервенционном и современном методе лечения миомы матки - эмболизации маточных артерий (ЭМА), а также собственные результаты лечения 119 пациенток с миомой матки. Детально изложены методика проведения операции, результаты различных клиник Республики Казахстан. Методика ЭМА позволяет добиться уменьшения симптомов миомы матки, таких как кровотечение, сдавление смежных органов у 85-90% пациенток. Хорошая переносимость, минимальные сроки госпитализации в стационаре. Низкий риск осложнений и эффективность способствует широкому распространению данной операции.

Ключевые слова: миома матки, лечение, эмболизация, артерия.

Актуальность проблемы: По данным доступной медицинской литературы, распространенность миомы матки колеблется в широких пределах — заболевание выявляется у 15% женщин старше 30 лет, у 50% женщин старше 35 лет и гораздо чаще у женщин в старших возрастных группах (Адамян Л. В. и соавт., 2012). В настоящее время отмечается тенденция к увеличению частоты развития миомы у женщин в молодом возрасте. Несмотря на то, что миома матки — самая распространенная доброкачественная опухоль и относительно длительно наблюдаемая, существует мало данных, относящихся к биологии лейомиомы, и недостаточное количество доказательств, подтверждающих современные стратегии лечения миомы матки [1, 2, 5].

Традиционными методами лечения миомы матки являются медикаментозная терапия и хирургические вмешательства - миомэктомия и гистерэктомия [3, 6, 7, 12]. Одной из наиболее актуальных задач в современной гинекологии является разработка органосохраняющих методов лечения миомы матки. Консервативной терапии миомы матки (аналоги Гн-РГ) отводится второстепенная роль. Терапия гестагена-ми или агонистами гонадотропного рилизинг- гормона дает лишь временный симптоматический эффект и сопровождается развитием осложнений, связанных с их дефицитом и токсическим действием на

паренхиматозные органы. Несмотря на высокую эффективность хирургического лечения, операции сопряжены с неизбежными осложнениями как вследствие самого вмешательства (травмы мочевого пузыря, ранение мочеточников, сосудов, раневая инфекция, кровопотеря, спаечный процесс), так и общего обезболивания, особенно у пациенток с сочетанной соматической патологией [4, 8, 10]. Имеются также данные о высокой частоте рецидивов миомы (15-20%) и симптоматики (30-40%) после консервативной миомэктомии [9, 11]. Важно отметить, что такие хирургические методы лечения, как гистерэктомия и миомэктомия, также не лишены серьезных недостатков. В частности, для большинства женщин с нереализованной репродуктивной функцией удаление матки приводит к потере возможности иметь детей, что является тяжелой психологической травмой [13]. Отрицательной особенностью гистерэктомии является высокая вероятность развития постгистерэктомического синдрома. Для молодых пациенток с миомой матки, гистерэктомия, является вмешательством, значительно снижающим качество жизни и приводящим к потере детородной функции.

В связи с вышесказанным, эмболизация маточных артерий (ЭМА) как альтернатива операции гистерэктомии (ГЭ) доказала свою эффективность, малоинвазивность и низкий риск осложнений при лечении женщин с миомой матки,

однако эффекты ЭМА недостаточно изучены [7, 8]. Подход к лечению каждой миомы матки методом ЭМА должен быть индивидуальным. Учитываются симптомы миомы матки, расположение, локализация узлов, кровоснабжение, заинтересованность пациентки в сохранении матки и репродуктивной функции [4, 9, 10].

Целью нашего исследования явилось: изучить историю внедрения методики ЭМА в клиническую практику, проанализировать данные по применению ЭМА в Республике Казахстан, описать современное состояние лечения миомы матки методом эмболизации маточных артерий и провести оценку эффективности после выполнения эмболизации маточных артерий. Привести собственные данные по применению методики ЭМА в г. Шымкент и Туркестанской области.

Материалы и методы: ЭМА как методика впервые в гинекологической практике начала использоваться с 1970 г. когда S. Smith применил ее с целью остановки кровотечения в послеоперационном периоде. Однако первое сообщение в литературе об ЭМА было сделано J. Oliver и соавт. только в 1979 году, с этого момента ЭМА с успехом применяется при неэффективности консервативных мероприятий для остановки

кровотечений, возникших в послеродовом периоде, при пузырьном заносе, после оперативного лечения (кесарево сечение, гистерэктомия, миомэктомия) [1,4,5]. В республике Казахстан эмболизация маточных артерий были проведены в 80-х годах 20 века в стенах АО «Национальный научный центр хирургии им. А.Н. Сызганова, далее методика особо не применялась. И только в начале применяется, широко начиная с 2005-2012г.г. в различных клиниках Казахстана.

Методика проведения ЭМА при миоме матки включает в себя ряд общих последовательных этапов: подготовку больной, обработку операционного поля, местную анестезию, пункцию и катетеризацию сосуда (артерии), ангиографию (для подтверждения правильного внутрисосудистого положения катетера в просвете артерии), традиционную тазовую ангиографию, селективную катетеризацию и ангиографию маточных артерий, непосредственно катетерную ЭМА (частицы РУА, гидрогель, акриловые микросферы), контрольную ангиографию, удаление катетера из артерии, гемостаз (рис. 1,2, схематично). ЭМА выполняется в условиях рентгеноперационной, под комбинированной анестезией с использованием седативных средств.

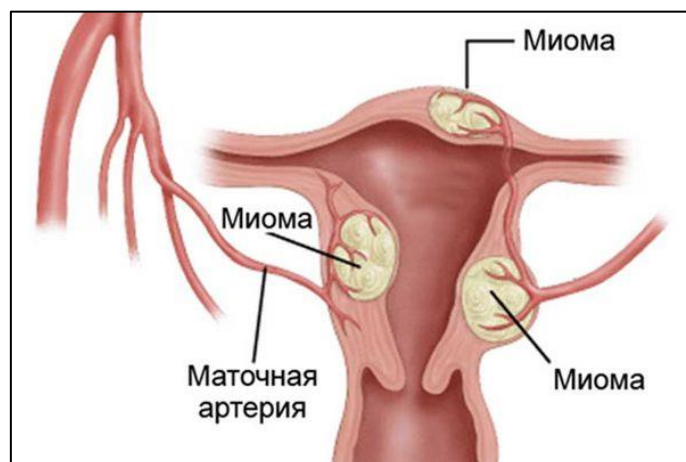

Рис. 1. Расположение миомы матки и пути её кровоснабжения (схема).

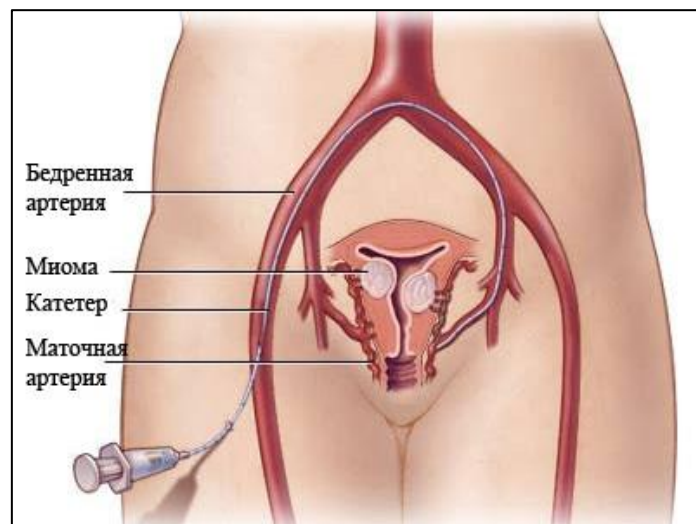

Рис. 2. Методика трансартериальной, селективной эмболизации маточной артерии (схема).

Анализ публикаций разных периодов (2006-2011г.г.) в Казахстане показал, что в ННЦХ им. А.Н. Сызганова ЭМА для лечения миомы матки проводится с 2006 года и к 2011 году было прооперировано 147 женщин. Поцелуев Д.Д. Алдангарова Г.А. и соавт. провели анализ результатов лечения этих женщин в течении 3-6-12 месяцев и пришли к выводу, что через 3 и 6 месяцев объем миоматозных узлов уменьшился на 32% и 59% соответственно. Другие авторы - Тажибаев Д.М., Абишев Б.Х., на базе Национального Научного центра Материнства и Детства г. Нур-Султан, провели исследование с участием 156 женщин, прошедших процедуру ЭМА. Было выявлено, что динамическое уменьшение размеров миоматозных узлов в сроки от 1 месяца до 1-го года составляет 70,8-72,7%, а объем матки до 55%, что коррелирует с данными других авторов.

Оценка результатов эффективности ЭМА при субмукозной локализации узлов также проводилось в КГМУ проф. Алиакпаровым М.Т., Тажибаевым Д.М. и др. В результате исследования из 21 женщины репродуктивного возраста у 10 женщин произошла самостоятельная экспульсия субмукозных узлов.

Результаты многоцентрового исследования «The Ontario Multicenter Trial» показали, что после проведения эмболизации у женщин с миомой матки показатели течения беременности и послеродового развития новорожденных, значительно выше, чем у

женщин, без ЭМА. Из 555 пациенток, после выполненной эмболизации, средний возраст 43 года (18-59 лет), у 21 наступила беременность, средний возраст 34 года (27-42 года), у 13 из них беременность наступила впервые, у 3 беременность наступила дважды. Всего отмечено 24 беременности, 1 - путем искусственного оплодотворения. Наблюдали 4 случая самопроизвольного аборта (выкидыша) и 2 случая прерывания беременности. Из 18 новорожденных 14 родились в срок, 4 - преждевременно. В 9 случаях роды произошли через естественные родовые пути, в 9 - путем кесарева сечения.

Нами проведен анализ результатов применения ЭМА у 42 пациенток с миомой матки в возрасте от 26 до 54 лет (средний возраст женщин был $40 \pm 1,42$ лет). В качестве группы сравнения были изучены результаты лечения 37 пациенток в возрасте от 30 до 56 лет (средний возраст женщин был $42 \pm 2,12$ лет), которым была проведена традиционная хирургическая операция – лапаротомия, консервативная миомэктомия. И группа из 40 пациенток в возрасте от 27 до 63 лет (средний возраст женщин был $45 \pm 2,21$ лет), которым была произведена операция - лапороскопическая миомэктомия, всего проанализированы результаты лечения миомы матки у 119 пациенток. Данные представлены в таблице №1.

Таблица 1.

Сравнительные результаты ЭМА, традиционной и лапароскопической миомэктомии.

Метод	Количество	Боли	Дизурические явления	Проведенные койко-дни	Осложнения
Эмболизация маточных артерий	42	В течение 8-ми часов, которая купируются анальгетиками	Исчезают постепенно, с уменьшением миоматозного узла, в течении 3-6 мес.	2-4	Постэмболизационный синдром
Традиционная миомэктомия	37	Сохраняются в течение 2-х недель	Исчезают сразу после операции	10-12	Постгистерэктомиический синдром, спайки в малом тазу
Лапороскопическая миомэктомия	40	Сохраняются в течение 1-ой недели	Исчезают сразу после операции	7-10	Спайки в малом тазу и, как следствие, трубноперитонеальное бесплодие

Оценивая результаты ЭМА, нами использованы следующие критерии: технические (успешная эмболизация), клинические (уменьшение симптоматики заболевания), радиологические (редукция размеров матки и узлов), индивидуальные (субъективная оценка состояния пациентки). Применение новых высокотехнологичных инструментов и опыт оперирующего хирурга, которые косвенно влияют на успех хирургического лечения. Результаты операции оценивались через 3 и 6 мес., с помощью УЗИ, МРТ и объективного осмотра пациенток.

Результаты и их обсуждения. Нами отмечено, что при динамическом наблюдении за пациентками в сроки 3 месяца после ЭМА происходило постепенное уменьшение размеров матки и миоматозных узлов. Матка, по данным УЗИ, у 65-78% пациенток миоматозные узлы уменьшались на 25-60% относительно первоначального размера. Наиболее значительным изменениям подвергались субмукозные миомы. В 1-8% случаев произошла экспульсия - «рождение узла». Миоматозные узлы значительно изменяются по своему гистологическому составу. Гистологическое изучение экспульсированных

миоматозных узлов показало, что после ЭМА в узлах наступает процесс ишемии и последующее развитие инфаркта (некроз). Дальнейшее постепенное склерозирование узлов и дегидратация приводят к их уменьшению. По данным МРТ гиперваскулярные миоматозные узлы в соответствии с критериями МРТ уменьшались в размере больше, чем узлы с меньшим кровотоком. При дальнейшем динамическом наблюдении до 6 мес. за пациентками уменьшение симптомов, в частности нормализация менструаций, наблюдалась у 81-92% пациенток. Выраженность симптомов, обусловленных размерами миоматозных узлов (дисурия, увеличение размеров живота, болевой синдром) уменьшались на 70-92%. В сроки до 1 года у 7 (16,6%) пациенток отмечено наступление беременности, которые перенесли ЭМА. У 3 женщин роды наступили в срок, у 3 отмечены преждевременные роды, в 1 случае наблюдали выкидыш на ранних сроках. В настоящее время в мировой практике известно о более чем 100 случаях наступления беременности после ЭМА.

Выводы: Таким образом, в настоящее время ЭМА прочно заняла свою нишу в лечении пациенток с миомой матки. Эффективность данной операции в лечении миомы матки не вызывает сомнений, что способствует ее широкому распространению в мире. Данная методика позволяет добиться уменьшения симптомов миомы матки, таких как кровотечение, сдавление смежных органов у 85-90% пациенток. Хорошая переносимость, минимальные сроки госпитализации в стационаре. Низкий риск осложнений и эффективность способствует широкому распространению данной операции. К преимуществам ЭМА также относится и сохранение матки, а лечебный эффект распространяется на все миоматозные узлы. А также, данная методика является малоинвазивной высокотехнологичной эндоваскулярной операцией, не требующей эндотрахеального наркоза и постоперационного наблюдения в реанимационном отделении, что значительно снижает финансовые затраты на лечение.

Литература

1. Адамян Л.В., Кулаков В.И., Киселев С.И. Опыт 1000 тотальных лапароскопических гистерэктомии. Лапароскопия и гистероскопия в гинекологии и акушерстве. М., 2012; с. 10-2.
2. Бобров Б.Ю., Капранов С.А., Доброхотова Ю.Э. и др. Варианты кровоснабжения миомы матки при эмболизации маточных артерий. Бюлл. НЦ ССХ им. Н.А. Бакулева РАМН. Сердечно-сосуд. забол. 2014; 5(11): 198.
3. Бобров Б.Ю., Алиева А.А. Эмболизация маточных артерий в лечении миомы матки. Обзор литературы. Акуш. и гин. 2018.
4. Гришин И.И., Рощина В.А., Каусева О.И., Доброхотова Ю.Э. Эмболизация маточных артерий в лечении миомы матки: актуальный подход в современных реалиях//РМЖ. Мать и дитя №2, 2018, С. 169-172.
5. Доброхотова Ю.Э., Капранов С.А., Бобров Б.Ю., Алиева А.А. Постэмболизационный синдром при эмболизации маточных артерий, Русс. мед. журн. 2014.
6. Капранов С.А., Беленький А.С., Бобров Б.Ю., и др. Эмболизация маточных артерий в лечении миомы матки. Бюлл. НИИ ССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосуд. забол. 2013; 4(11):219.
7. Al-Fozan H., Tulandi T. Factors affecting early surgical intervention after uterine artery embolization. *Obstet. Gynecol.* 2002;57(12):810–815. DOI: 10.1097/01.OGX.0000040427.23658.1D.
8. Smeets A. J., Nijenhuis R. J., Boekkooi P. F. et al. Safety and effectiveness of uterine artery embolization in patients with pedunculated fibroids. *J. Vasc. Interv. Radiol.* 2009;20(9):1172–1175. DOI:10.1016/j.jvir.2009.06.002.
9. Doletskaya D.V., Botvin M. A., Pobedinsky N. M. et al. Assessment of quality of life in patients with uterine myoma after various types of surgical treatment. *Obstetrics and gynecology.* 2006;1:10–13 (in Russ.).
10. Nuzhnov S.T., Briukhina E. V., Usoltseva E. N. Assessment of the quality of life of women with uterine myoma with uterine artery embolization and hormonal therapy. *Bulletin of South Ural state University.* 2010;6(182):44–47 (in Russ.).
11. Kheda S., Ramamurthy C. The role of uterine artery embolization in gynecology practice. *Apollo Medicine.* 2012;1(3):206–211.
12. Scheurig-Muenkler C., Koesters C., Powerski J. et al. Clinical Long-term Outcome after Uterine Artery Embolization: Sustained Symptom Control and Improvement of Quality of Life. *Journal of Vascular and Interventional Radiology.* 2013;24(6):765–771. DOI: 10.1016/j.jvir.2013.02.018.
13. Munro M. G. Uterine Leiomyomas, Current Concepts: Pathogenesis, Impact on Reproductive Health, and Medical, Procedural, and Surgical Management. *Obstetrics and Gynecology Clinics.* 2011;38(4):703–731. DOI:10.1016/j.ogc.2011.09.006.
14. Bradley L. D. Uterine fibroid embolization: a viable alternative to hysterectomy. *Am. J. Obstet. Gynecol.* 2009;201(2):127–135. DOI: 10.1016/j.ajog.2009.01.031.

УДК 616.314-007.274

ДИАГНОСТИКА И ЛЕЧЕНИЕ АНОМАЛИИ «ЗУБ В ЗУБЕ». КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ.**Наумова Е.Д.,****Катков К.Д.***студенты 5 курса**стоматологического факультета ФГБОУ ВО**Тверского ГМУ Минздрава РФ,**Г. Тверь***Честных Е.В.***зав.кафедрой, к.м.н.,**доцент кафедры терапевтической стоматологии**ФГБОУ ВО Тверского ГМУ Минздрава РФ,**Г. Тверь*

Аннотация. Инвагинация зубов (*dens invaginatus*) представляет собой редкую аномалию эмбрионального происхождения. Данное состояние означает внедрение внешних твердых тканей зуба в пульпу и является отклонением от нормы. Ранняя диагностика инвагинации зуба имеет решающее значение и требует тщательного обследования всех зубов, особенно боковых резцов. В данной статье представлены клинические и рентгенологические аспекты инвагинации зуба 3.2.

Ключевые слова: инвагинация зубов, «зуб в зубе», аномалии зубов.

Причина возникновения инвагинаций неясна, однако, большинство данных свидетельствуют о наследственном компоненте. Считается, что давление роста зубной дуги приводит к изгибу эмалевого органа [1, с. 8]. Инвагинация зубов чаще встречается у китайцев, японцев, американских аборигенов и эскимосов по сравнению с европейцами и выходцами с африканского континента [2, с. 36]. По данным E.J. Novland и R.M. Block заболеваемость находится в пределах от 0,04% до 10%. Средняя частота доминантной аномалии «зуб в зубе» составляет 3% [3, р. 361]. Около 85% инвагинация зубов встречается в области боковых резцов верхней челюсти, реже в области клыков, премоляров и моляров и крайне редко в области зубов нижней челюсти. Чаще патология наблюдается как с двух сторон челюсти, так и в области мезиоденс – от 35,2 % до 69 % пациентов. Несмотря на различные результаты исследований, очевидно, что частота возникновения данной аномалии имеет клиническое значение [4, с. 68].

Патологию можно выявить уже в возрасте от 7 до 10 лет [5, р. 84]. Состояние может быть диагностировано на основании клинических и рентгенологических данных [5, р. 85]. Более тщательно осматриваются боковые резцы верхней челюсти, особенно их небная поверхность на наличие борозд и углублений. Классическим признаком инвагинации является втяжение в зоне слепой ямки (углубленная область под небным бугорком бокового резца). Другим проявлением может быть неправильная форма коронки – в виде бочки, шипа или конуса. Шейка зуба шире обычной или разделена на 2 части. При обнаружении аномалии обязательно осматриваются одноименные зубы на другой стороне челюсти. Необычная форма коронки может вызывать задержку прорезывания. Внедрение твердых

тканей зуба в его внутреннюю полость имеет разную форму [4, с. 68; 5, р. 86].

Наиболее информативным методом диагностики указанной нозологической формы является рентгенологическое исследование [6, р. 337]. Полученная рентгенограмма позволяет установить протяженность и конфигурацию патологии, состояние периапикальных тканей. В зависимости от проекции снимка, рентгенограмма показывает наличие сообщений инвагинации с пародонтом и пульпой. В особо сложных случаях желательнее проводить конусно-лучевую компьютерную томографию (КЛКТ) [6, р. 338; 7, р. 276]. При диагностике проверяется также жизнеспособность пульпы [7, р. 278]. В 1957 г. Oehlers предложил классифицировать аномалию в зависимости от ее тяжести [8, р. 1253]:

- тип I – минимальная инвагинация, покрытая эмалью; внедрение локализовано в пределах коронки зуба и не распространяется апикальнее цементно-эмалевого соединения;
- тип II – инвагинация покрыта эмалью и распространяется внутрь пульпарной камеры, но остаётся в пределах корневого канала без сообщения с периодонтальной связкой;
- тип III: тип IIIА-инвагинация распространяется через корень и латерально соединяется с периодонтальной связкой через псевдоотверстие. При этом обычно отсутствует сообщение с пульпой зуба, находящейся в сдавленном состоянии внутри корня; тип IIIВ-инвагинация распространяется через корень и сообщается с периодонтальной связкой в области апикального отверстия. Сообщение с пульпой зуба при этом отсутствует.

Планирование лечения играет важную роль в прогнозе, а инвагинацию зуба следует оценивать как аномалию, которая требует тщательного наблюдения и вмешательства [9, р. 88]. Лечение не показано при отсутствии сообщения инвагинации с

полостью рта и отсутствием изменений на рентгенограмме. Рекомендовано наблюдение [9, р. 76; 10, р. 5]. Эндодонтическое лечение проводят в следующих случаях [11, с. 56]:

- 1) пульпа жизнеспособна, при наличии разряжения в периапикальных тканях
- 2) пульпа нежизнеспособна
- 3) наличие сообщений между внутренними полостями зуба и пародонтом (устанавливается по рентгенограмме).

Оптимальный вариант эндодонтического лечения – полное устранение (высверливание, сошлифовывание) инвагинации. В результате образуется один широкий канал, который обрабатывается по стандартной технологии. Но это возможно только при незначительных размерах патологии [11, с. 56; 12, р. 207]. Ограничены возможности эндодонтического лечения и при слишком широком верхушечном отверстии и истонченных стенках корня. Иногда применяется апексификация – пломбирование канала препаратами с гидроксидом кальция или МТА (минерал триоксид агрегата) с постановкой временной пломбы. Лечение заканчивается герметизацией и восстановлением коронковой части зуба [11, с. 53; 13, с. 43]. Хирургическое вмешательство предусматривает доступ к каналам и полостям зуба через боковую поверхность десны [12, р. 206]. Проводится при II и III типе патологии, воспаленной или некротизированной пульпе. Необходимость в хирургическом лечении возникает обычно в двух случаях [12, р. 207; 13, с. 44]:

- 1) неудачное эндодонтическое лечение
- 2) затруднён доступ к внутренним полостям зуба и отсутствие возможности провести ортоградную obturation.

Протокол хирургического лечения зависит от клинической ситуации. Чаще всего во время хирургического вмешательства удаляется верхушка корня, и проводится ретроградное пломбирование. Этапы хирургического вмешательства включают в себя отслоение лоскута десны, трепанацию костной пластины в проекции дефекта, кюретаж мягких тканей, удаление грануляций, сошлифовывание твердых тканей, ретроградное пломбирование, obturation каналов гуттаперчей и прочие действия, которых требует клиническая ситуация. При необходимости полость заполняется остеозамещающими материалами. В заключение проводится укладка лоскута на место и ушивание раны [12, р. 209; 13, с. 44]. Удаление зуба проводится при невозможности применить хирургическое или эндодонтическое лечение. Решение об удалении принимается обычно в следующих случаях [11, с. 55; 12, р. 207; 13, с. 44]:

- 1) форма коронковой части имеет неустраняемые реставрацией функциональные и/или эстетические дефекты
- 2) мезиоденс
- 3) широкое верхушечное отверстие

4) внутренняя и наружная форма и состояние корней исключает возможность эндодонтического и хирургического вмешательства.

На написания данной статьи нас, студентов стоматологического факультета 4 курса, подтолкнуло наблюдение во время прохождения практики. Пациент Б. 45 лет обратился в клинику с жалобами на приступообразную боль в зубе 3.2, усилившуюся при накусывании. В анамнезе отмечается наличие травмы зуба, которую получил несколько лет назад. На прицельной рентгенографии зуба 3.2: коронка зуба интактна, пульповая камера почти вся заполнена образованием, по рентгеноконтрастности идентичным дентину зуба. В центре образования имеется канал. На основании клинических и рентгенологических данных врач пришёл к следующему заключению: форма коронковой части имеет неустраняемые реставрацией функциональный и эстетический дефекты, доступ к внутренним полостям зуба затруднён, поэтому провести ортоградную obturation невозможно. Таким образом, было принято решение об удалении зуба 3.2.

Объективно: Лицо симметричное. Поднижнечелюстные лимфатические узлы слева не увеличены, при пальпации безболезненны. ВНЧС без патологий. Слизистая оболочка полости рта без видимых патологических изменений, бледно-розового цвета, умеренно-влажная. Общее состояние удовлетворительное. Коронка зуба 3.2 конусообразной формы, шейка зуба разделена на две части, на верхушке коронковой части отмечается втяжение в виде складки. Зуб в цвете изменён, горизонтальная и вертикальная перкуссия резко положительная.

Диагноз: Острый апикальный периодонтит зуба 3.2 (K04.4), III тип (Oehlers) инвагинации зуба 3.2 (K00.2).

Лечение. Под местной анестезии произведено удаление зуба 3.2.

Патология «зуб в зубе» встречается довольно редко в ежедневной стоматологической практике. Но видя необычную форму коронки зуба, эндодонтист должен заподозрить наличие вероятной анатомической аномалии. Теоретическая база и правильный подход к диагностике – залог успешного выбора лечения. Для определения типа инвагинации и оценки анатомии системы корневого канала должно проводиться тщательное рентгенологическое исследование, зачастую с выполнением рентгенограмм в разной проекции. В более сложных клинических случаях важным вспомогательным инструментом является конусно-лучевая компьютерная томография.

Список использованной литературы:

1. Беляков Ю.А., Наследственные патологии эмали и дентина. Обзор молекулярно-генетических исследований/ Ю.А.Беляков, В.М.Елизарова, В.А.Кротов, О.Е.Блинникова // Стоматология.- 2000-№1-С.8-9.

2. Олейник Е.А., Результаты исследования твердых тканей зубов у лиц с аномалиями структуры твердых тканей зубов/ Е.А.Олейник // Стоматология детского возраста и профилактика. - 2008. - № 1 .- С. 36-38.
3. Hovland EJ, Nonrecognition and subsequent endodontic treatment of dens invaginatus/ EJ. Hovland, RM. Block //J Endod.-1977-№3(9)-P.360-362.
4. Фадеев Р.А., Классификации зубочелюстных аномалий. Система количественной оценки зубочелюстно-лицевых аномалий / Р. А. Фадеев // Санкт-Петербург : Н-Л.-2011- С.68.
5. George R., A rare case of dens invaginatus in a mandibular canine./ R.George, A.Moul, I.Walah // Aust Endod J-2010-no.36-P.83-86.
6. Girisch W.J., Microscopic removal of dens invaginatus/ W.J. Gritsch, T.V. McClammy // J Endodon.-2002-№28- P. 336-339.
7. Kfir A., The diagnosis and conservative treatment of a complex type 3 dens invaginatus using cone beam computed tomography (CBTC) and 3D plastic models / A. Kfir, Y. Telishevsky-Strauss, A. Leitner, Z. Metzger // Int Endod J- 2013-no.46-P. 275-288.
8. Oehlers P.A., Dens invaginatus I, variations of the invagination prosea and associated anterior crown forms, & II associated posterior crown forms and pathogenesis/ P.A. Oehlers // Oral Surg Oral Med Oral Pathol Oral Radio Endod-1957 -№11.-P. 1251-1260.
9. Соса Х., Диагностика и эндодонтическое лечение боковых резцов верхней челюсти с инвагинацией зуба: серия клинических случаев/ Х.Соса, Х. Перейра, Э. Бургера // Dental IQ.J -2014- №44- С. 87-79.
10. Vijay J., Non-surgical management of infected type III dens invaginatus with vital surrounding pulp using contemporary endodontic techniques./ J.Vijay //Aust Endod J-2008-no.34-P.4-11.
11. «Эндодонтия Today»: рецензируемый, рекомендованный ВАК научно-практический журнал для стоматологов / учредитель: Издательство "Поли Медиа пресс". - Москва: Поли Медиа Пресс.-2019-том 17, №4; ISSN 1683-2981.- С. 54-57.
12. Jung M., Endodontic treatment of dens invaginatus type III with three root canals and open apical foramen./ M.Jung // Int Endodo J-2004- no.37 - P. 205-213.
13. «Эндодонтия Today»: рецензируемый, рекомендованный ВАК научно-практический журнал для стоматологов / учредитель: Издательство "Поли Медиа пресс". - Москва: Поли Медиа Пресс.-2010- №3; ISSN 1683-2981- С. 42-45.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кочесокова М. Г.,

Нозерова М. Т.

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Г. Нальчик

Аннотация. В статье проведен анализ проблемы формирования готовности будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования, выделены педагогические условия подготовки студентов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Описываются требования к формированию педагогической готовности студентов к работе в условиях инклюзивного образования. Установлен уровень инклюзивной готовности будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования. Дана характеристика методики диагностики психологической готовности будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования.

Abstract. The article discusses analysis of problems of formation of readiness of future teachers to work with children with disabilities, allocated pedagogical conditions of training students to work with children with disabilities. The requirements to the formation of the pedagogical readiness of students to work in the conditions of inclusive education are described. The paper characterizes techniques for examining future teachers' psychological readiness for working the conditions of inclusive education

Ключевые слова: инклюзивное образование, профессиональная готовность педагога к инклюзивному образованию, инклюзивная готовность, педагогическая готовность, дети с ограниченными возможностями здоровья.

Key words: inclusive education, inclusion, pedagogical readiness, children with disabilities, student.

Инклюзивное образование – это процесс обучения детей с ОВЗ с помощью образовательной программы, которая соответствует его способностям, удовлетворяет его индивидуальные образовательные потребности, обеспечивает специальные условия, исключает любую дискриминацию и обеспечивает равное отношение ко всем детям [1].

Одним из основных условий внедрения инклюзивного образования является подготовка педагогических кадров для работы с детьми с ограниченными возможностями. Основные требования к профессиональной компетенции учителей, работающих в условиях инклюзивного образования связаны с выполнением новых функций: способности самостоятельно, творчески отбирать и использовать технологии, пригодные для работы с различными образовательными группами, будь то дети с ограниченными физическими и интеллектуальными возможностями, дети разных социальных групп, проживающие в мегаполисе или селе и др. [8].

В связи с этим возникает потребность в подготовке педагогов, ориентированных не только на работу со здоровыми детьми, но и с детьми с ограниченными возможностями, а также диагностики психологической готовности будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования [3].

Диагностика «представляет собой не только экспериментальное изучение, но и своеобразную психолого-педагогическую технологию, содействующую формированию и развитию будущего учителя». На наш взгляд, решение

вопроса о диагностическом исследовании названной готовности может быть успешным, если, во-первых, учитывать особенности инклюзивного образования, а также содержание, критерии сформированности данной готовности; во-вторых, понимать необходимость применения комплекса взаимодополняющих методов и методик диагностики [6].

Актуальность исследования проблемы подготовки педагогов к работе в условиях инклюзивного образования значительно возрастает в связи с увеличением числа детей, имеющих отклонения в физическом и ментальном развитии, внедрения инклюзии в общеобразовательные учреждения.

Анализ существующих исследований в этой области позволил определить суть профессиональной готовности педагога к инклюзивному образованию [5]. Профессиональная готовность педагога к инклюзивному образованию – это интегративное профессионально-личностное образование, характеризующееся наличием установки, предполагающей активную предрасположенность и потребность педагога в осуществлении инклюзивного образования детей с особыми образовательными потребностями, проявляющееся в наличии специальных знаний, умений инклюзивного образования [7].

Из анализа следует, что формирование готовности студента к работе с детьми в условиях инклюзивного образования возможно только при осуществлении определенных педагогических условий:

- наличие социального заказа на обучение специалистов в системе инклюзивного образования;

- высокий профессиональный уровень преподавателей образовательных учреждений высшего образования, материально-техническое и учебно-методическое обеспечение;

- вовлечение студентов в практическую деятельность системы инклюзивного образования, в которой формируются его педагогические, профессиональные компетентности [2].

Готовность будущих педагогов к работе в условиях образовательной инклюзии должна удовлетворять следующим требованиям:

- являться обязательным образовательным «эффектом» профессиональной подготовки будущих педагогов;

- отражать психологический и педагогический аспекты;

- ориентироваться на социализацию всех детей, в том числе и детей с особыми образовательными потребностями (ООП);

- опираться на профессионально-педагогическую подготовку будущих педагогов, признание и принятие ценностей инклюзивного образования, толерантное отношение ко всем участникам образовательного пространства;

- обеспечивать профессиональную компетентность будущих педагогов [2].

К критериям и показателям сформированности исследуемой психологической готовности относятся: знания о сущности инклюзивного образования и особенностях психического развития детей с ОВЗ, мотивы обучения в вузе, стремление к достижению успеха в педагогической деятельности в условиях инклюзивного образования, эмоциональный интеллект, коммуникативная толерантность, отношение к инклюзии в образовании, способность организовывать деятельность обучающихся в условиях инклюзивного образования, личностная креативность.

В связи с этим, **цель** нашего исследования - определение уровня инклюзивной готовности будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования

Для достижения цели поставлены и решены **задачи**:

1. Раскрыть содержание понятия «инклюзивного образования» и определить педагогические условия, эффективные для подготовки будущих педагогов в инклюзии.

2. Определить актуальное состояние развития готовности студентов к работе в условиях инклюзивного образования.

3. Проверить эффективность анкетирования будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования.

Исследования проводилась на базе института педагогики, психологии и физкультурно-спортивного образования Кабардино-Балкарского государственного университета Г. Нальчика. В исследовании приняли участие студенты

выпускных курсов очной и заочной форм обучения направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)». Исследованием было охвачено 65 человек.

С целью оценки уровня сформированности компонентов психологической готовности была использована анкета «Диагностика готовности педагогов работе с детьми с ОВЗ», которая имеет четыре шкалы.

Первая шкала – это вопросы, выявляющие знание условий, принципов инклюзивного образования и преимуществ, предоставляемых им для обучающихся детей с ОВЗ. При анализе ответов необходимо обращать внимание на то, насколько полно и точно испытуемые раскрывают понятие «инклюзивное образование»; характеризуют принципы и условия инклюзивного образования, его преимущества для обучающихся детей с ОВЗ.

Вопросы второй шкалы направлены на изучение эмоционально-волевого компонента, касаются отношения студентов к предстоящей профессиональной деятельности в условиях инклюзивного образования и к подготовке к ней. В ответах на них важно выявить отношение к будущей профессиональной деятельности в условиях инклюзии и к специальной подготовке к ней.

Посредством вопросов третьей шкалы изучаются такие показатели мотивационного компонента, как стремление работать в условиях инклюзии, потребность в получении знаний, умений и навыков для такой деятельности. Анализ ответов позволяет исследователю говорить об уровне выраженности стремления работать в условиях инклюзии и потребности специальной подготовки к будущей работе в таких условиях.

Вопросы четвертой шкалы направлены на изучение способности к взаимодействию с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Анализируя ответы на них, исследователь имеет возможность установить уровень сформированности способности к взаимодействию с детьми с ОВЗ, средства и методы, которые используют испытуемые в процессе такого взаимодействия, наличие (или отсутствие) положительного опыта организации деятельности обучающихся в условиях инклюзивного образования. Надежность опросника проверялась с помощью анкетирования.

В ходе проведения констатирующего этапа эксперимента исследована сформированность представлений у будущих педагогов о детях с ограниченными возможностями здоровья, отношении студентов-выпускников к будущей профессиональной деятельности с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

В качестве критерия для оценки уровней готовности студентов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья использовали комплексный показатель профессиональной компетентности, включающий:

- сформированность знаний и представлений в контексте педагогического сопровождения детей с особыми образовательными потребностями;

- знание методов, форм работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья, применяемых в системе инклюзивного образования;

- отношение к будущей профессиональной деятельности с детьми с ограниченными возможностями здоровья (наличие устойчивого интереса к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья, творческая активность).

Были получены следующие результаты: низким уровнем инклюзивной готовности обладают 63% студентов, средний – у 28%, достаточный – у 10% будущих педагогов. В исследуемой выборке большая часть испытуемых характеризуется низким уровнем готовности к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Согласно анализу полученных результатов, у студентов, участвующих в исследовании, сформированы представления о детях в условиях инклюзии, однако, будущие педагоги не владеют знаниями о группах детей с ограниченными возможностями здоровья, также у будущих педагогов не сформированы представления о специфике психического развития детей с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом у будущих педагогов не сформированы представления о специфике психического развития детей с ограниченными возможностями здоровья; о закономерностях развития, характерных для детей с ограниченными возможностями здоровья в сравнении с нормально развивающимися детьми; об особенностях организации педагогического сопровождения особых детей в системе инклюзивного образования. Кроме того, будущие педагоги не готовы к педагогическому сопровождению детей с ограниченными возможностями здоровья, предпочитают вообще не сталкиваться с такими детьми в своей предстоящей практической деятельности. При этом большинство студентов, участвующих в исследовании, являются мотивированными относительно будущей профессии.

Литература

1. Алтынсарина И. Методические рекомендации по разработке требований к профессиональной компетенции учителей, работающих в условиях инклюзивного образования. – Астана:, 2015. – 32 с.

2. Алехина С.В., Алексеева М.Н., Агафонова Е.Л. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании // Психологическая наука и образование. 2011. №1. С. 83-92.

3. Воденникова Л.А. Теоретико-методологическая основа формирования профессиональных ценностных ориентаций

будущих педагогов-дефектологов // Специальное образование. - 2014. - № 2. - С. 83-90.

4. Валеев Г.Х. Методология и методы психолого-педагогических исследований: Учебное пособие для студентов 3–5-х курсов педагогических вузов по специальности «031000 – Педагогика и психология». — Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2002. – 134 с

5. Сманцер А.П. Подготовка будущих учителей к работе с детьми в условиях инклюзивного образования на основе компетентностного подхода // Вестник Полоцкого университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2010. - № 11. – С. 8-12.

6. Смоляр А.И. Профессиональное самосознание учителя: вопросы методологии, теории и технологии развития: монография. Самара: ПГСГА, 2013. 356 с.

7. Шандыбо С.В. Формирование профессиональной позиции принятия ребенка у будущего педагога в вузе: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. - Красноярск, 2014. – 239 с.

8. Тимохина Т.В. Модель профессиональной подготовки специалистов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья // Вестник ТГУ. - 2015. – Вып. № 9. – С. 149.

АНКЕТА

«Диагностика готовности педагогов к работе с детьми с ОВЗ»

Инструкция: прочитайте высказывания и отметьте один вариант ответа.

1. В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья – это:

а) дети, имеющие значительные ограничения жизнедеятельности вследствие заболевания или травм, приводящих к социальной дезадаптации, нарушению способностей к самообслуживанию, передвижению, ориентации, контролю над своим поведением, обучению, общению;

б) физические лица, имеющие недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, препятствующие получению образования без создания специальных условий;

в) физические лица, имеющие недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий;

г) физические лица, нуждающиеся в создании специальных образовательных условий при освоении образовательной программы.

2. Образование обучающихся с ОВЗ:

а) должно быть организовано совместно с другими обучающимися или в отдельных организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в соответствии с заключением психолого-медико-педагогической комиссии;

б) может быть организовано как в отдельных классах, группах, так и в отдельных организациях, осуществляющих образовательную деятельность;

в) может быть организовано как совместно с другими обучающимися, так и в отдельных классах, группах или в отдельных организациях, осуществляющих образовательную деятельность;

г) должно быть организовано в отдельных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам.

3. Под специальными условиями, для получения образования обучающимися с ОВЗ понимается:

а) использование специальных образовательных программ, методов обучения и воспитания, специальных учебников, учебных пособий и дидактических материалов;

б) использование специальных технических средств обучения коллективного и индивидуального пользования, предоставление услуг ассистента (помощника), оказывающего обучающимся необходимую техническую помощь;

в) проведение групповых и индивидуальных коррекционных занятий;

г) обеспечение доступа в здания организаций, осуществляющих образовательную деятельность;

д) все вышеперечисленное.

4. В соответствии с СанПиН 2.4.2.3286-15 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения и воспитания в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья», утв. постановлением Главного государственного санитарного врача России от 10.07.2015 № 26, учебные занятия для обучающихся с ОВЗ организуются:

а) в первой смене, по 5-дневной учебной неделе и не превышают 40 минут, за исключением первого класса;

б) в первой смене, по 6-дневной учебной неделе и не превышают 40 минут, за исключением первого класса;

в) в две смены, по 6-дневной учебной неделе и не превышают 45 минут, за исключением первого класса.

5. Максимальное количество учащихся с ОВЗ в одном классе (группе) определяется:

а) образовательной организацией самостоятельно;

б) в соответствии с рекомендациями СанПиН;

в) в соответствии с имеющимися кадровыми и материально-техническими условиями ОО.

а) обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей;

б) обучение детей с ОВЗ в общеобразовательных организациях;

в) обучение ребенка с особыми образовательными потребностями в специальной школе;

г) обучение детей с ОВЗ по адаптированным образовательным программам.

7. Оцените уровень своих знаний и представлений об инклюзивном образовании:

а) хорошо понимаю и объясняю особенности инклюзивного образования;

б) имею ограниченные представления об инклюзивном образовании;

в) не имею представлений и не понимаю сути такого образования.

8. Оцените уровень своих знаний об индивидуальных особенностях детей с ОВЗ:

а) знаю об особенностях физического и психического развития детей с ОВЗ;

б) имею ограниченные представления об особенностях физического и психического развития детей с ОВЗ;

в) фактически не имею представлений об особенностях физического и психического развития детей с ОВЗ.

9. Оцените уровень своих специальных знаний, необходимых для организации работы с детьми с ОВЗ:

а) специальные знания отсутствуют;

б) имеются минимальные специальные знания;

в) специальные знания достаточны для осуществления работы с детьми с ОВЗ.

10. Как вы считаете, необходимо ли вам повышение квалификации в области коррекционной педагогики и коррекционной психологии для работы с детьми с ОВЗ?

а) нет необходимости повышать квалификацию;

б) хотелось бы повысить квалификацию по некоторым вопросам коррекционной педагогики и коррекционной психологии;

в) считаю необходимым получить дополнительное образование по коррекционной педагогике и коррекционной психологии.

11. Как вы относитесь к детям с ОВЗ?

а) считаю, что детям с ОВЗ лучше обучаться в условиях специального образования (коррекционные школы);

б) считаю, что детей с ОВЗ надо обучать в общеобразовательной школе со всеми детьми при условии адекватной организации для них специальных образовательных условий;

в) считаю, что детей с ОВЗ надо обучать в специализированных классах общеобразовательных школ.

12. Что вы думаете об инклюзивном образовании?

а) положительно отношусь к идее инклюзивного образования;

б) хотелось бы принять позицию инклюзивного образования, но обнаруживаю неуверенность в правильности этого обучения;

в) отрицательно отношусь к идее инклюзивного образования.

13. Как вы относитесь к комплектованию классов (групп) детей с различными особенностями состояния здоровья и психического развития?

а) считаю, что классы (группы) детей следует комплектовать с учетом их состояния здоровья и психического развития;

б) не исключаю возможности совместного обучения здоровых детей и детей с ОВЗ, но придерживаюсь идеи комплектования классов (групп) с учетом состояния здоровья;

в) считаю возможным совместное пребывание детей с различным состоянием здоровья и психическим развитием.

14. Вам предложили работать в классе (группе), где дети с ОВЗ будут обучаться вместе со сверстниками, вы:

а) согласитесь;

б) согласитесь на условиях достаточной профессиональной переподготовки;

в) постараетесь аргументировать свой отказ, но если директор будет настаивать, согласитесь на условиях достаточной доплаты;

г) категорически откажетесь.

15. Насколько у вас сформирована психологическая готовность к работе с детьми с ОВЗ?

а) готовность полностью сформирована;

б) постепенно формируется, но не в полной мере;

в) такая готовность не сформирована.

16. Вам предложили взять класс (группу), где дети с ОВЗ будут обучаться вместе со сверстниками, вы согласитесь так как:

а) вы понимаете, что дети с ОВЗ нуждаются в вашей помощи и сделаете все возможное для их успешного обучения;

б) по объективным причинам не можете оспаривать решение директора;

в) это приоритетное направление в образовании, это престижно, предоставляет возможность профессионального роста;

г) работа в таких классах (группах) оплачивается выше.

17. Как вы считаете, влияет ли присутствие детей с ОВЗ на одноклассников без ограничений возможностей здоровья в условиях инклюзивного образования:

а) нет никакого влияния присутствия детей с ОВЗ на одноклассников без ограничений возможностей здоровья в условиях инклюзивного образования;

б) возможно положительное влияние детей с ОВЗ на одноклассников без ограничений возможностей здоровья в плане развития эмпатии, толерантности и пр.

в) возможно негативное влияние детей с ОВЗ на одноклассников без ограничений возможностей здоровья в плане развития у здоровых детей нетерпимости, антипатии и неприятия детей с ОВЗ.

18. Оцените свое желание работать по программам для детей с ОВЗ:

а) занимаюсь и совершенствуюсь в освоении программ по работе с детьми с ОВЗ;

б) иногда интересуюсь программами по работе с детьми с ОВЗ;

в) не интересуюсь программами по работе с детьми с ОВЗ.

19. Беседы, которые проводит педагог с учениками в инклюзивном классе (группе) должны:

а) обращать внимание учащихся на то, что у какого-то ребенка есть проблемы, и его надо опекать и жалеть;

б) быть организованы так, чтобы у каждого ребенка были выделены сильные стороны, в т. ч. и у ребенка с ОВЗ;

в) обращать внимание на то, что все дети разные, и формировать уважительное отношение друг к другу.

20. Мне кажется, что главным препятствием для включения детей с ОВЗ в инклюзивное образование является:

а) страх и брезгливость педагогов;

б) опасение педагогов, что ученики без ограничений возможностей здоровья будут ущемлены в правах, и им будет уделяться меньше времени на усвоение программы;

в) опасение педагогов, что дети с ОВЗ не усвоят то, что могли бы усвоить в условиях специального учреждения.

21. Сформирована ли у вас профессиональная установка на готовность работать с любым ребенком, вне зависимости от его реальных возможностей, особенностей поведения, состояния физического и психического здоровья?

а) такая установка не сформирована;

б) постепенно формируется, но не в полной мере;

в) установка полностью сформирована.

22. Оцените свою готовность к работе с детьми с ОВЗ в условиях инклюзивного образования:

а) владею методами и приемами работы с детьми с ОВЗ, и знаю пути их интеграции в коллектив здоровых детей;

б) имею ограниченные навыки работы с детьми с ОВЗ, и испытываю трудности в их интеграции в коллектив здоровых детей;

в) не имею навыков работы и не знаю, каким образом помочь детям с ОВЗ в интеграции их в коллектив школьников без ограничений возможностей здоровья.

23. Оцените ваш уровень владения программами по работе с детьми с ОВЗ:

а) владею программами по работе с детьми с ОВЗ;

б) владею лишь некоторыми приемами и программами по работе с детьми с ОВЗ;

в) не владею программами по работе с детьми с ОВЗ.

24. Готовы ли вы принять участие в разработке образовательных программ для обучения детей с ОВЗ?

а) да;

б) нет;

в) затрудняюсь ответить.

25. Имеете ли вы опыт использования инновационных технологий в работе с детьми с ОВЗ:

- а) широко использую инновационные игровые, здоровьесберегающие технологии;
- б) иногда использую инновационные технологии, больше работаю по старинке;
- в) не считаю возможным использование инновационных технологий.

26. Оцените свою готовность к взаимодействию со специалистами социально-психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ:

- а) выражаю полную готовность к взаимодействию;
- б) считаю возможным частичное взаимодействие с данными специалистами;
- в) нет необходимости в таком взаимодействии.

27. Если бы у вас в классе (группе) был ребенок с ОВЗ, то вы:

- а) справились, у вас не будет с ним проблем;
- б) попросили бы перевести его в другой класс (группу), потому что у вас нет опыта для работы с ребенком с ОВЗ;

в) обратились бы за помощью к специалистам, коллегам, имеющим опыт работы с ребенком с ОВЗ.

28. С какими детьми с ОВЗ вы готовы работать в вашем классе (группе)?

- а) готов работать с любыми детьми;
- б) все зависит от особенностей ребенка;
- в) не готов к работе с детьми с ОВЗ.

29. Как вы думаете, что нужно будет изменить в вашей работе, если в классе (группе) появятся дети с ОВЗ?

- а) использовать особые дидактические материалы, а так же специальное оборудование;
- б) применять специальные технологии и методы обучения;
- в) ничего менять не стал бы.

30. Считаете ли вы себя психологически и профессионально готовыми к работе с детьми с ОВЗ?

а) да, моей профессиональной подготовки и психологических способностей достаточно для перехода к инклюзивному образованию;

б) обладаю определенным уровнем профессиональных навыков, однако не готов психологически;

в) готов психологически, но не обладаю достаточными профессиональными навыками;

г) нет, не готов к работе с детьми с ОВЗ ни психологически, ни профессионально.

Подсчитайте количество баллов по таблице.

1	а-0 б-0 в-2 г-0	6	а-2 б-0 в-0 г-0	11	а-0 б-2 в-1	16	а-2 б-0 в-1 г-0	21	а-0 б-1 в-2	26	а-2 б-1 в-0
2	а-0 б-0 в-2 г-0	7	а-2 б-1 в-0	12	а-2 б-1 в-0	17	а-1 б-2 в-0	22	а-2 б-1 в-0	27	а-2 б-0 в-1
3	а-0 б-0 в-0 г-0 д-2	8	а-2 б-1 в-0	13	а-0 б-1 в-2	18	а-2 б-1 в-0	23	а-2 б-1 в-0	28	а-2 б-1 в-0
4	а-2 б-0 в-0	9	а-0 б-1 в-2	14	а-2 б-1 в-0 г-0	19	а-0 б-1 в-2	24	а-2 б-0 в-1	29	а-1 б-2 в-0
5	а-0 б-2 в-0	10	а-2 б-1 в-0	15	а-2 б-1 в-0	20	а-0 б-1 в-2	25	а-2 б-1 в-0	30	а-2 б-1 в-1 г-0

Обработка результатов: сопоставьте полученное количество баллов с критериями оценки:

- 51 – 60 баллов – высокий уровень;
- 50 – 30 баллов – средний уровень;
- 29 – 0 баллов – низкий уровень.

Интерпретация результатов:

Вы можете интерпретировать результаты количественно (подсчитать баллы) и качественно (проанализировать ответы педагогов на каждый вопрос).

КОМПОНЕНТЫ ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГА К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОВЗ

Ответы на высказывания с 1-го по 10-й характеризуют уровень информационной готовности педагогов к работе с детьми с ОВЗ. Ответы на высказывания с 11-го по 20-й характеризуют уровень психологической (личностной) готовности. Ответы на высказывания с 21-го по 30-й характеризуют уровень профессиональной (деятельностной) готовности.

Высокий уровень готовности – у педагога имеются необходимые знания для организации инклюзивного образования, а также знания об индивидуальных особенностях и образовательных потребностях детей с ОВЗ. Педагог принимает ценности инклюзивного образования, имеет положительное отношение как с самим детям с ОВЗ, так и к необходимости организации инклюзивного образования. Педагог умеет отбирать оптимальные способы организации инклюзивного образования, владеет педагогическими технологиями для обеспечения условий организации инклюзивного образования. Педагог готов к сотрудничеству и взаимодействию со всеми участниками образовательных отношений.

Средний уровень готовности – у педагога имеются ограниченные знания в области инклюзивного образования, недостаточно знаний о формах и методах работы с детьми с нарушениями в развитии. Педагог психологически может быть не готов к работе с детьми с ОВЗ. Недостаточно уверен в своих умениях и навыках по организации совместного образования детей возрастной нормы и детей с ОВЗ, хотя готов к освоению новых педагогических технологий для обеспечения условий организации инклюзивного образования.

Низкий уровень готовности – педагог не готов к работе с учащимся с ОВЗ ни психологически, ни профессионально. У педагога наблюдается сопротивление при реализации инклюзивного образования. Он не разделяет ценностей инклюзивного образования. Не готов обеспечить необходимые условия для организации обучения детей с ОВЗ. У него нет желания осваивать новые формы и методы работы, проявлять гибкость, использовать в учебном процессе индивидуальный и дифференцированный подходы, участвовать в создании специальных условий образования для обучающихся с ОВЗ.

Готовность педагогов к реализации инклюзивной практики складывается поэтапно:

сначала должна сформироваться информационная готовность, затем психологическая готовность, а потом уже профессиональная.

Основными показателями информационной готовности педагога является знание основных положений инклюзивного образования и реализации его идей в практике работы, нормативной базы, индивидуальных особенностей и образовательных потребностей детей с различными нарушениями в развитии, основ психологии и коррекционной педагогики, форм и методов в работе с детьми с нарушениями в развитии.

Показатели психологической готовности педагога: принимает основные ценности инклюзивного образования, проявляет эмпатию по отношению к детям с различными типами нарушений в развитии, проявляет социально-психологическую толерантность, понимает необходимость и условия организации инклюзивного образования, обеспечивает или готов обеспечить необходимые условия для организации обучения детей с ОВЗ.

Основные показатели профессиональной готовности педагога: умеет отбирать оптимальные способы организации инклюзивного образования, проявлять гибкость, использовать в образовательной деятельности индивидуальный и дифференцированный подходы, владеет педагогическими технологиями, которые обеспечивают условия организации инклюзивного образования, организует совместное образование учеников с ОВЗ и учеников без ограничений возможностей здоровья, создает специальные условия образования для обучающихся с ОВЗ, участвует в разработке адаптированных образовательных программ, в т. ч. разработке и проектировании индивидуальных учебных планов, взаимодействует с педагогами, специалистами в ОО и родителями учащихся, умеет применять различные способы педагогического взаимодействия.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК 632.62/.69

ВИДОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЖЕСТКОКРЫЛЫХ (*COLEOPTERA*), АГРОБИОЦЕНОЗА ЗЕМЛЯНИКИ САДОВОЙ ГРАЧЕВСКОГО РАЙОНА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Чурилина Т.Н.

К.б.н., доцент

Жубанов А.З.

Бакалавр

ФГБОУ ВО «Оренбургский ГАУ»

Г. Оренбург, Российская Федерация

Жесткокрылые (*Coleoptera*) самый большой по числу известных науке видов отряд не только в классе насекомых, но и во всем животном мире [4]. Различные виды жуков, населяющих ягоду, могут приносить пользу, а также вредить. Земляника садовая деликатесная ягодная культура популярная во многих регионах, в том числе и в Оренбургской области. Ее ягоды обладают высокими вкусовыми и пищевыми качествами, привлекательными не только для человека, но и для насекомых [1, 2, 3, 5].

Для изучения видового разнообразия жесткокрылых (*Coleoptera*), насаждений земляники садовой мы использовали общепринятые методы

исследований: полевые (метод почвенных ловушек Бербера, ручной сбор), лабораторные методы (с использованием микроскопа МБС-10 и энтомологических определителей), аналитические методы (расчет индексов видового богатства и видового разнообразия).

В результате проведенных нами исследований по изучению видового состава вредящей и полезной колеоптерофауны в агробиоценозе земляники садовой в Грачевском районе Оренбургской области установлено семь видов насекомых, шесть из которых относятся к отряду жесткокрылые (*Coleoptera*) и один вид к отряду прямокрылые (*Orthoptera*) таблица 1, 2.

Таблица 1.

Вредящая колеоптерофауна агробиоценоза земляники садовой Грачевского района

№	Название вида	Пищевая специализация	Повреждаемые органы растений
Отряд жесткокрылые (<i>Coleoptera</i>)			
I. Семейство Чернотелки (<i>Tenebrionidae</i>)			
1	Чернотелка степная (<i>Anatolica aucta</i>)	фитофаг-полифаг	Корни, молодые побеги, листья
2	<i>Gonocephalum rusticum</i> O.	фитофаг-полифаг	Корни, молодые побеги, листья
3	Медляк степной (<i>Blaps halophila</i>)	фитофаг-полифаг	Корни, молодые побеги, листья
Отряд прямокрылые (<i>Orthoptera</i>)			
II. Семейство Настоящие сверчки (<i>Gryllidae</i>)			
4	Полевой сверчок (<i>Gryllus campestris</i>)	фитофаг-полифаг	Корни, молодые побеги, листья, падаль

Таблица 2.

Полезная колеоптерофауна агробиоценоза земляники садовой Грачевского района

№	Название вида	Пищевая специализация	Повреждаемые органы растений
Отряд жесткокрылые (<i>Coleoptera</i>)			
I. Семейство мертвоеды (<i>Silphidae</i>)			
1	Могильщик германский (<i>Nicrophorus germanicus</i>)	некрофаг	Гниющие остатки растения, живая добыча (слизни и дождевые черви), падаль
2	Погребальный могильщик (<i>Nicrophorus vespillo</i>)	некрофаг	Гниющие остатки растения, живая добыча (слизни и дождевые черви), падаль
II. Семейство Жужелицы (<i>Carabidae</i>)			
3	Красотел золотистый (<i>Colosoma auropunctatum</i> Hbst.)	энтомофаг	Мелкие насекомые и их личинки (тля и др.)

Согласно приведенным данным (таблица 1, 2) – три выявленных вида относятся к полезной энтомофауне и четыре вида к вредящей.

По таксономической принадлежности (табл. 3) преобладали представители отряда жесткокрылых (*Coleoptera*) – 86%. Отряд прямокрылые (*Orthoptera*) составил – 14% от выявленных видов.

Таблица 3.

№	Отряд	Число видов	
		всего, (экз.)	в %
1	Жесткокрылые (<i>Coleoptera</i>)	6	86
2	Отряд прямокрылые (<i>Orthoptera</i>)	1	14
Всего		7	100

По пищевой специализации, в насаждениях земляники садовой, были обнаружены насекомые

некрофаги – 28,57 %, энтомофаги – 14,29 %, фитофаги – полифаги – 57,14% (табл. 4).

Таблица 4.

Некрофаги		Энтомофаги		Фитофаги - полифаги	
всего видов	в %	всего видов	в %	всего видов	в %
2	28,57	1	14,29	4	57,14

Приведенное соотношение пищевых групп колеоптерофауны (*Coleoptera*) агробиоценоза земляники садовой в Грачевском районе объясняется тем, что обследуемые нами насаждения были заложены недавно (в 2018 году) и подвергаются постоянному фитосанитарному контролю. В результате этого специализирующихся насекомых фитофагов и энтомофагов обнаружено не было.

Среди насекомых агробиоценоза земляники

садовой по таксономической принадлежности в отряде жесткокрылых (*Coleoptera*) преобладало семейство Чернотелки (*Tenebrionidae*) – 43 %. В меньшей степени встречались представители семейства Мертвоеды (*Silphidae*) – 29 %, а представители семейств Жужелицы (*Carabidae*) и Настоящие сверчки (*Gryllidae*) (отряд прямокрылые (*Orthoptera*)) составили по 14 %, каждое (табл. 5).

Таблица 5.

№	Отряд/семейство	Число видов	
		всего, (экз.)	в %
1	Отряд Жесткокрылые (<i>Coleoptera</i>)	6	86
	1.1 Мертвоеды (<i>Silphidae</i>)	2	29
	1.2 Жужелицы (<i>Carabidae</i>)	1	14
	1.3 Чернотелки (<i>Tenebrionidae</i>)	3	43
2	Отряд прямокрылые (<i>Orthoptera</i>)	1	14
	2.1 Настоящие сверчки (<i>Gryllidae</i>)	1	14
Всего		7	100

Важными показателями структуры и устойчивости сообщества являются видовое богатство и видовое разнообразие. Оценка этих показателей осуществлялась нами с помощью

стандартных индексов Маргалефа (Mg), Менхиника (Mn), Макинтоша (Mc), а так же Шеннона (Sh) и Пиелу (Pl).

Таблица 6.

Видовое богатство колеоптерофауны земляники садовой Грачевского района (по Маргалефу (Mg)).

Хозяйственно значимая группа жесткокрылых	Значение Mg	Сравнение признака
Вредная колеоптерофауна	0,71	Высокое
Полезная колеоптерофауна	0,47	Умеренное

Таблица 7.

Видовое богатство колеоптерофауны земляники садовой Грачевского района (по Менхинику (Mn)).

Хозяйственно значимая группа жесткокрылых	Значение Mn	Сравнение признака
Вредная колеоптерофауна	0,48	Высокое
Полезная колеоптерофауна	0,35	Умеренное

Таблица 8.

**Видовое разнообразие колеоптерофауны земляники садовой Грачевского района
(по Макинтошу (Mc)).**

Хозяйственно значимая группа жесткокрылых	Значение Mc	Видовое разнообразие
Вредная колеоптерофауна	0,38	Умеренное
Полезная колеоптерофауна	0,35	Умеренное
Комплексная колеоптерофауна	0,57	Выше умеренного

Таблица 9.

**Видовое разнообразие колеоптерофауны земляники садовой Грачевского района
(по Шеннону (Sh) и Пиелу (Pl)).**

№	Семейства	Количество видов		Индекс Шеннона (Sh)	Индекс Пиелу (Pl)
		всего, (экз.)	в %		
1	Мертвоеды (Silphidae)	55	38,73	1,56	0,80
2	Жужелицы (Carabidae)	17	11,97		
3	Чернотелки (Tenebrionidae)	68	47,89		
4	Настоящие сверчки (Gryllidae)	2	1,41		
Всего		142	100		

Исходя из приведенных в таблицах 6, 7, 8, 9 сведений следует, что видовое богатство по индексам Маргалёфа (Mg) и Менхеника (Mn) выше у вредной колеоптерофауны, чем у вредной (Mg (0,71 > 0,47), Mn (0,48 > 0,35)). Выявленное видовое разнообразие, по индексу Макинтоша (Mc), у полезной и вредной колеоптерофауны – умеренное (Mc = 0,35 и Mc = 0,38, соответственно).

В целом видовое разнообразие колеоптерофауны агробиоценоза земляники садовой высокое (по индексам Шеннона и Макинтоша (Sh = 1,56; Mc = 0,57), соответственно). Структура сообщества выровненная, по численности видов (индекс Пиелу (Pl) = 0,80), что говорит о благоприятном фитосанитарном прогнозе обследуемых посадок, и необходимости постоянного мониторинга, для контроля численности и вредоносности фитофагов.

Список использованной литературы:

1. Бурмистров А.Д. Ягодные культуры [Текст] / А. Д. Бурмистров, проф. - Ленинград: Колос. [Ленингр. отд-ние], 1972. - 384 с.
2. Зейналов А.С. Атлас-справочник основных вредителей и болезней ягодных культур и мер борьбы с ними (монография) [Текст] / А.С. Зейналов. – М.: ООО «Агролига», 2016. – 240 с.
3. Попов С.Я. Полевые способы определения плотности популяций и встречаемости малинно-земляничного долгоносика *Anthonomus rubi* Hbst (Coleoptera, Curculionidae) на землянике // Известия ТСХА, 1994, № 3, с. 150 – 159.
4. Сидляревич В.И. Полезные насекомые сада и огорода / В. И. Сидляревич, В. В. Болотникова; Под ред. В. Ф. Самарсова. – Минск: Ураджай, 1990. – 123 с.
5. Чибилев А.А. Садоводство на Южном Урале [Текст] / А.А. Чибилев [и др.]; ред.: В.И. Кашин, Е.З. Савин. - [Оренбург]: Оренбургское книжное издательство, 2004. – 487 с.

© Т.Н. Чурилина, А.З. Жубанов, 2020

Филологические науки

УДК 81-2

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ВОДНЫХ СУЩЕСТВ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

*Белоусова А.В.**Магистр 2 курса**Северо-Кавказский федеральный университет**Г.Ставрополь, Российская Федерация*

THE VERBALIZATION OF WATER CREATURES IN RUSSIAN FOLKLORE

Аннотация. Исследование описательных характеристик фольклорных персонажей позволяет приблизиться к пониманию древнего мифологического мышления. В данной работе был проведен анализ особенностей восприятия водных существ древними славянами. Мы постарались выявить, какими характерными чертами наши предки наделяли вымышленных существ и какие из этих черт сохранились в современной языковой картине мира.

Annotation. The research of descriptive characteristics of folklore characters allows to understand the ancient mythological conscious. This article is devoted to perception analysis of water creatures in ancient Slavic mythology. We revealed the features, which were peculiar for mythical creatures and determined which of them were kept in the modern language picture of the world.

Ключевые слова: мифология, фольклор, сказки, лингвистика, культурология.

Key words: mythology, folklore, fairytales, linguistics, cultural science.

Если в настоящее время миф и реальность – это противоположные понятия, то для сознания древнего человека миф был практическим знанием, на основе которого строилась его повседневная жизнь. Между современным человеком и древними людьми лежит огромная культурная пропасть, над которой протянут мост фольклорного наследия. Именно сказки, поверья, предания и другие формы устного народного творчества сохраняют в себе особенности верования и мировоззрения древнего человека.

Особую роль в этом отношении играют образы сказочных существ, в которые народ вкладывал свои страхи, желания, верования, наделяя их уникальными чертами и сохраняя тем самым в них черты своей древней культуры. Именно поэтому, исследуя специфику вербализации фольклорных персонажей, мы можем приблизиться к пониманию мировосприятия человека того времени. Главным помощником в подобном исследовании выступает языковая картина мира, так как именно язык является наиболее устойчивым хранилищем информации. Несмотря на свою фундаментальность, язык также обладает способностью быстро реагировать на любые внешние изменения и отражать в себе новые явления действительности, а потому изучение традиционных сказочных образов в современном восприятии покажет нам процесс трансформации представлений человека о мифологических существах.

Выбирая для исследования категорию водных существ, мы руководствовались тем, что стихия воды является одной из самых загадочных и могущественных, наши предки зависели от нее, но при этом она всегда пугала древнего человека. Невозможность исследования ее глубин порождала

самые необычные фантазии, которые являлись в форме удивительных существ – подводных обитателей.

Центральным персонажем «водной» мифологии является водяной – хозяин всех вод, воплощение самой стихии воды как отрицательного, так и положительного начала. В народных сказках водяной, чаще всего, описан как голый, дряблый и пучеглазый старик с рыбьим хвостом, а иногда и с рыбьей головой: «Только ведро опустила, как вдруг видит – высунулась из-под льда страшная рыба рожка и смотрит на нее» [Толстой 2009: 206]. Иногда в древних поверьях отмечается, что он опутан тиной и имеет большую окладистую бороду практически до пояса [Артемьев 2013: 30]. Наличие длинной бороды указывало на могущество водяного и его властное положение над другими водными обитателями.

По представлениям древних славян, водяной мог выходить на сушу, обернувшись обычным человеком, чаще всего ребенком или юношей: «Прибегает и видит – сидит у проруби уже не рыба, а парень молодой. С лица хорош: волосы русые по плечам разбросаны, кожа ясная, почти прозрачная и глаза бездонные, точно яхонты» [Толстой 2009: 30]. Но иногда он мог становиться лошадем, ягненком, собакой, селезнем, лебедем, стариком.

Разнообразие обликов, которые принимает водяной, не мешало закреплению в языковой картине мира весьма устойчивого образа данного существа. В большинстве случаев, сознание русского человека наделяет его антропоморфными чертами. Подобное представление морского владыки обусловлено,

на наш взгляд, стремлением человека придать неизвестному облик ясности.

На относительную устойчивость образа водяного повлияло и его частое появление в известных каждому русскому человеку сказках, которые получили распространение и в кинематографе («Сказка о царевне лебеди» и «Сказке о попе и работнике его Балде» А.С. Пушкина, «Марья Искусницы». *Летучий корабль*, Как рыбак водяного обманул и др.), а также в известных былинах о Садко.

Интересно отметить, что водяной упоминается даже в житиях святых. Так, в севернорусском «Житии Иова Ущельского» (XVII в.) упоминается, как водяной пытался перевернуть и затопить лодку с людьми: «Ехали через Мезень-реку в лодке Фока с братьями... выехали до половины реки, и нашел на них дух нечистый, водный и начал лошадь топить. Они же лошадь держали, а нечистый дух въяве ходил волнами, как большая рыба, и напал на лошадь и за лодку хватал, потопить хотя...» [Рыжова 2004: 319].

В древних представлениях водяной был своего рода божеством, а потому и отношение было к нему соответствующее: люди всячески задабривали его, дабы избежать его проказ и получить хороший улов. Страх человека перед водными глубинами породил многочисленные предания о том, как утопленники отправляются после смерти служить водяному.

Говоря о загробной жизни утопленников, нельзя не вспомнить самый яркий образ, который существует во многих европейских мифах – об образе русалки. Согласно наиболее распространенной версии о происхождении названия *русалка*, оно образовалось от кельтского слова *рус* (вода). От этого корня произошло также слово *русло*, означающее середину реки. Иными словами, русалка – это обитательница реки [Черных 1999: 128]. Существуют также версии, по которым этот термин мог произойти от слова *русый* или от названия рек Руса, Рось и др. [Златковская 1978: 48].

Традиционное представление образа русалки можно воссоздать даже по современным толковым словарям, что свидетельствует об устойчивости данного персонажа в русской культуре: «Русалка: В древних народных поверьях – живущее в воде сказочное существо в образе обнаженной женщины с длинными распущенными волосами и рыбьим хвостом. (*Утонувшая*) в глубине Днепра-реки очнулась русалкою холодной и могучей» [Ушаков 2000: 658].

На наш взгляд, наиболее значимым атрибутом в ее облике является не столько нагота и рыбий хвост (который мог и отсутствовать в некоторых преданиях [Артемов 2014: 33]), сколько длинные распущенные волосы. Простоволосость для крестьянской девушки была недопустима в обычных бытовых ситуациях. Длинные волосы русалки являются также элементом, связывающим ее с подводной растительностью. Согласно

преданиям, русалка в представлениях древних людей выглядела «совсем как женщина, только в лице румянца нет, да руки тощие и холодные, волосы длинные...» [Артемов 2014: 36]. Тут стоит отметить, что образ русалки тесно связан с миром мертвых, так как по самым распространенным представлениям – сама русалка является утонувшей молодой девушкой.

Отнесенность русалки к миру мертвых наделила ее облик и такими чертами, как бледность и холодность кожи. Для древнего сознания было свойственно все непонятное и пугающее часто связывать с загробным миром, так как смерть всегда была для человека самой большой загадкой.

Если образы водяного и русалки, в силу своей распространенности и прочной закрепленности в современной картине мира получили относительно однозначные описательные характеристики, то те существа, которые популярности в современной культуре не получили и остались лишь частью древней мифологии, в настоящее время вызывают множество споров относительно своего происхождения и внешности.

Ярким примером тому может служить берегиня (*берегини, берыгини, верегини* [Толстой 1995: 155]). Согласно одним источникам, наименование *берегиня* восходит к праславянскому корню **bergъ* – берег [Трубачев 1963: 96], что указывает на принадлежность персонажа к водной стихии и соотносит ее с характеристиками русалки. Во многих преданиях берегиня выступает хранительницей рек и водоемов [Артемов 2013: 18]. Однако другие исследователи (С.Л. Николаев, А.Б. Страхов) считают, что берегини не имеют ничего общего с русалками, а древнерусское слово *берегыни*, по их мнению, является народным переосмыслением праславянского корня **perguni*, которое входит в состав современных лексем *берець* и *оберег*. Если придерживаться этой версии, то образ берегини связан не с водой, а с лесами и растительностью.

Настолько сильно различающиеся версии происхождения берегини породили и неоднозначность ее внешнего облика. Разрозненные предания не дают четких характеристик данного существа из-за чего сложно воссоздать ее описание. Более того, из-за немногочисленности фольклорных источников невозможно определить ее отнесенность к положительным или отрицательным существам, и, соответственно установить ее взаимодействие с человеком.

Образ берегини не закрепился в современной картине мира русского народа, на наш взгляд, потому, что этот персонаж по своему происхождению намного древнее, чем русалка или водяной. Она возникла в то время, когда сознание человека еще не соотносила мифологических существ с местами их обитания. Если бы не зафиксированные вовремя устные предания, то этот персонаж вообще мог бы не дойти до нас.

Итак, изучение описательных характеристик древних мифологических существ является богатой

почвой для лингвокультурологического исследования. Благодаря дошедшим до нас фольклорным произведениям мы можем воссоздать детали внешности сказочных персонажей, что позволит нам судить о своеобразии мировоззрения людей древней эпохи.

Литература

Артемов В.В. Души и существа потустороннего мира. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 64 с.

Артемов В.В. Славянские мифические существа. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 64 с.

Златковская Т.Д. К проблеме античного наследия у южных славян и восточных романцев // Советская этнография. – М.: Наука, 1978. – № 3. – С. 48 – 51.

Рыжова Е.А. Житие соловецкого постриженника Иова Ущельского – малоизвестное

сочинение XVII – XVIII вв. // ТОДРЛ. – М., 2004. Т. 55. С. 313 – 329.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. Ред. Н.И. Толстого. – М.: Издательство Института славяноведения РАН, 2004. – Т. 3. – 592 с.

Толстой А.Н. Большая книга русских сказок. – М.: АСТ, 2009. – 288 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Астрель, 2000. – 871 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 2. – 584 с.

Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / сост. О.Н. Трубачёв. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 696 с.

©А.В. Белоусова, 2020

УДК 81.33

ОЦЕНОЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА

Сегизбаева К.К.

к.ф.н., ассоциированный профессор

Костанайский государственный педагогический университет

им. У. Султангазина

Стадник К.В.

студентка 4 курса департамента филологии

Костанайский государственный педагогический университет

им. У. Султангазина

г. Костанай, Республика Казахстан

Природа закономерности проявления и функционирования в языке различных оценок по-прежнему являются актуальным вопросом языкознания. Оценка нередко определяет выбор и размещение всех основных элементов высказывания.

Период развития лингвистической аксиологии приходится на 80 – 90-е годы XX столетия. Категория оценки получила описание в исследованиях Н. Д. Арутюновой, В. В. Виноградова, Е. М. Вольф, Н. А. Герасименко, Г. А. Золотовой, В. В. Леденёвой, П. А. Леканта, Т. В. Маркеловой, Л. А. Сергеевой, В. Н. Телия и др.

Категория оценки является объектом исследования разных разделов лингвистики. Следует отметить, что в различных источниках представлена разная интерпретация данного термина. Это объясняется тем, что оценка является предметом исследования и логики, и языкознания.

С точки зрения мыслительной деятельности человека категория оценки представляет собой акт человеческого сознания, заключающийся, непосредственно, в сравнении предметов, лиц, явлений и соотнесении их свойств и качеств с нормой.

Оценка является лингвистической универсалией, но способы представления оценочных значений являются национально уникальными, и они могут быть соотнесены как с

реальными языковыми единицами, так и с семантикой высказывания в целом.

Собственно оценочная парадигма состоит из двух компонентов: «хорошо» и «плохо». Двойкий характер оцениваемых значений объясняется изначальной бинарностью эмоционального восприятия человеком окружающего мира. Г. Н. Складаревская отмечает: «Такая категоричность оценки (либо хорошо, либо плохо) базируется на том извечном, исконном правиле, что каждый человек воспринимает мир бинарно, путем контраста и противопоставления: Бог - дьявол, жизнь - смерть, свет - тьма, порядок - хаос, добро - зло. Эти глобальные оппозиции проявляются в более частных: здоровье - болезнь, чистота - грязь, ум - глупость, красивый - безобразный и т.д.» [5, с. 168].

На основе вышесказанного, оценка как мыслительный акт и последующая «языковая констатация», непосредственно, связана с аксиологическими ориентирами культуры. Т.В. Маркелова отмечает: «...ценностный признак есть результат отношения социума-говорящего к окружающим его предметам, лицам, событиям с точки зрения качества, обусловленного идеалами субъекта...» [3, с. 2].

Особенности оценочной лексики в прошлом все чаще попадали под пристальное внимание лингвистов и до сих пор остаются в центре научного интереса. Е. М. Вольф определяет

«оценку» как: «позитивное или негативное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта (человека, группы людей и общества) к объектам действительности, которые социально кодируются с конкретным употреблением в семантике языковых единиц» [1, с.18].

По мнению Е. М. Вольфа, оценка важна по трем основным причинам. Во-первых, она служит для выражения мнения говорящего или писателя, и таким образом отражает систему ценностей этого человека и его окружения. Каждый акт оценки направлен на создание системы ценностей. Во-вторых, оценка служит для построения и поддержания отношений между писателем и читателем посредством манипуляции (процесс убеждения читателя увидеть точку зрения писателя). В-третьих, поскольку оценка имеет тенденцию встречаться на протяжении всего текста художественного произведения, она служит для организации дискурса [1, с.32].

С категорией ценности также связывает оценку Л. А. Сергеева: «Оценкой можно считать лишь такое мнение о предмете, которое выражает характеристику последнего через отнесение его к категории ценности» [4, с. 13].

Н. В. Ильина дает следующее определение термину «оценка»: «Оценка – умственный акт, являющийся результатом взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Человек оценивает способность того или иного объекта удовлетворять его потребности, желания, интересы или цели. Найдя предмет или его свойство полезным, приятным, добрым, красивым и т.п., он совершает оценку» [2, с. 63].

Е. А. Чернявская, в отличие от Н. В. Ильиной, интерпретирует оценку как «языковую категорию, являющуюся отражением логической категории, мыслительных процессов, приводящих к установлению ценности всевозможных объектов» [7, с. 86].

Одной из важных характеристик оценки как лингвистической категории является степень оценки, т. е. различные степени оценки, от умеренной до высокой. Степень оценочности глубоко анализировалась такими лингвистами, как Е. Н. Старикова, С. Н. Колесник, Ю. Н. Гончаров, С. Старостина. В своих исследованиях они различают три степени оценки – *низкую, умеренную и высокую*.

По их мнению, оценочные высказывания *низкой степени* нейтральны по своей эмоциональности и категоричности. *Умеренная степень* оценивания характеризуется возрастающей ролью эмоционально-оценочного компонента, который является результатом тесной взаимосвязи между эмоциональностью и оценочным потенциалом одного слова. Обычно они выражаются лексическими единицами, имеющими как денотативное, так и коннотативное значение. Коннотативное значение чаще состоит из эмоционально-оценочного компонента. Выражение *высокой степени* оценки к лексическим

единицам характеризуется ярко выраженным эмоциональным значением.

Н. В. Ильина и Е. М. Вольф выделяют четыре основных параметра оценки как лингвистической категории. Первый, они выявляют параметр «хорошо-плохо», то есть оценка в широком смысле слова выражается либо положительно, либо отрицательно (отрицательная эмоция, суждение, ценность). Второй параметр предполагает конкретный уровень определенности, т. е. говорящий, оценивая какое-либо явление, должен быть уверен в своей оценке, и выразить эту уверенность необходимо очень четко и ясно. Третий параметр – это доказательство положительной либо отрицательной оценки факта или действия, а четвертый параметр – важность или релевантность оцениваемого явления. Эти четыре параметра определяют сравнительный анализ, а также субъективный и ценностный характер оценки.

Следует отметить, что оценка воплощается в коннотативном компоненте лексического значения слова. Иначе ее называют *оценочная коннотация*. Е. М. Вольф ее называет оценочными признаками. Однако А. В. Филиппов и В. И. Шаховский утверждают, что оценочные признаки слова входят в состав денотативного компонента лексического значения слова.

Разделение взглядов на то, является ли оценочный элемент частью коннотативного или денотативного компонента, вызвано тем, что оценочность – это очень сложное явление. В некоторых случаях действительно трудно определить, следует ли включать оценочный элемент в денотативный или коннотативный компонент оценочного значения слова.

Классификация оценок на положительные и отрицательные не так проста, как кажется на первый взгляд. Контекст оказывает существенное влияние на характер эмоциональной оценки и в результате одно и то же слово может приобрести противоположный тип оценки (положительную или отрицательную). Класс названий лиц представляет собой довольно обширный слой лексики, которая распределяется по ограниченному набору семантических полей.

Можно сказать, что оценочная семантика определенным образом грамматикализуется, причем наличие в языке слов разных частей речи с оценочной коннотацией во многом определяется семантикой слова и характером оценочного компонента. Возможность представления оценочного признака словами разных частей речи уже отмечалась исследователями оценки. Почти все значимые оценочные характеристики человека могут быть представлены с помощью существительных.

Роль существительных с оценочным компонентом значения в русском языке при классификации всей оценочной лексики чрезвычайно важна. В русском языке преимущественно существительные и прилагательные организуют структуру фрагментов

языковой картины мира, включающих оценочную лексику. Причем именно существительные определяют в языке те семантические сферы, которые представлены лексикой с оценочным компонентом значения. Эти семантические сферы можно определить следующим образом:

1. *Человек, его внешние и внутренние (духовные, моральные, психологические) качества, его социальная жизнь и деятельность;*
2. *Мир природы, влияющий на жизнь человека;*
3. *Предметный мир, окружающий человека.*

Поскольку главным субъектом оценочных высказываний является человек, то, соответственно, обозначенные семантические сферы, объединяются фактором значимости характеризуемых понятий, явлений, предметов для человека. Не вызывает сомнений тот факт, что первая семантическая сфера объединяет подавляющее большинство субстантивных оценочных лексико-семантических единиц. Существительные можно распределить на лексико-семантические группы непосредственно, без учета их лексической сочетаемости, тогда как при классификации прилагательных и наречий необходимо учитывать их сочетаемость с существительными (глаголами). Особой группой являются общеоценочные существительные.

Среди субстантивных оценочных лексико-семантических единиц можно выделить три значительные по объему группы лексем: *абстрактные существительные, существительные со значением лица и существительные, обозначающие совокупности лиц*. Эти три группы имен, имеющие свои грамматические особенности (объединяют преимущественно *абстрактные, личные и собирательные* существительные) различаются по составу лексико-семантических групп, в которые можно объединить конкретные лексико-семантические единицы.

В нашем исследовании были рассмотрены оценочные существительные со значением лица. Оценочно маркированные существительные, называющие лицо по какому-либо признаку, образуют весьма обширную группу, включающую вместе с производными около 2000 лексем. Можно предположить, что данная группа слов в наибольшей степени ориентируется на базовые этнические представления о лице.

Существительные со значением лица делятся на следующие макрогруппы, которые, в свою очередь, объединяют более мелкие лексико-семантические группы оценочных наименований:

- 1) существительные, называющие лицо по характерной внешности на основании физических данных и состояния здоровья;
- 2) существительные, называющие лицо в соответствии с его эмоциональным состоянием, морально-этическим обликом, психологическим складом, волевыми качествами;
- 3) существительные, называющие лицо по характерным поступкам, поведению, образу жизни;

4) существительные, называющие лицо в соответствии с его физической, в том числе трудовой деятельностью;

5) существительные, называющие лицо в соответствии с его интеллектуальной и речевой деятельностью;

6) существительные, называющие лицо в соответствии с его социальным, экономическим положением, в соответствии с его политической позицией и идеологическими пристрастиями;

7) существительные, называющие лицо по характеру его отношений с другими людьми; в соответствии с его семейными, родственными, дружескими связями;

8) существительные-метафоры, называющие человека;

9) общие оценочные наименования лиц, употребляющиеся в качестве обращений.

Анализ существительных со значением лица позволил выделить нижеследующие лексические множества, характерные для данного класса слов. Мы классифицировали их в 10 основных групп.

Существительные, характеризующие человека по внешнему виду: *«верзила», «человек с бледным лицом», «здоровяк», «карлик», «кощей».*

Существительные, характеризующие человека по привычкам, манерам поведения: *«пустомеля», «хулиган», «кривляка», «весельчак», «неряха», «гадина», «карманник», «интеллигент», «крохобор», «пакольник», «баламут», «паразит», «шутник», «гуляка», «повеса», «невежа», «балагур», «брюзга», «жадина», «лжец», «правдолюб», «зануда», «паршивец», «вредина», «грубиян», «нахал», «скромница», «гад».*

Существительные, передающие характер человека: *«гуманист», «альтруист», «холерик», «педант», «перфекционист», «меланхолик», «консерватор», «мизантроп».*

Существительные, характеризующие человека по роду занятий: *«(профсоюзный) бюрократ», «духовник», «кардинал», «консул», «виолончелист», «барабанищик», «трубач», «виолончелист», «писатель», «газовщик», «костюмер», «парикмахер».* Существительные, характеризующие человека по национальной принадлежности: *«жид», «жидовка», «католик», «квакер», «шейкер», «лютеранин», «мусульманин», «коранит», «иудей», «христианин».*

Существительные, характеризующие человека по месту жительства: *«волгоградец», «гомельчанин», «англичанин», «костанаец», «тарановец», «балтиец», «американец», «британец», «канадец», «норвежец», «австриец», «испанец», «итальянец», «кубинец», «француз», «узбек», «азербайджанец», «афганец», «москвич».*

Существительные, характеризующие человека по действию (производятся от глагольных основ с конкретно-бытовым значением): *«гуляка», «забияка», «зевака», «кривляка», «кусака», «ломака».*

Существительные, характеризующие человека по его постоянной деятельности или признаку: *«верзила», «воротила» (в биржевых кругах),*

«вышибала» (главный заводила в классе), «запевала» (запевала в хоре), «зубрила».

Существительные, обозначающие человека, склонного к неприятному крику (плачу): «крикса», «плакса», «хныкса», «крикун», «пискун», «нытик», «рева», «виззун».

Существительные, обозначающие человека по отвлеченным качествам и действиям: «размазня», «неровня», «родня», «сирота».

Существительные, характеризующие человека по общественному положению, роду деятельности: «секретарь», «врач», «директор», «председатель», «кондуктор».

Однако в последние годы компонент отрицательной оценки в семантике этих лексем становится более явным, особенно наглядно это демонстрирует употребление существительных *лох* (жарг.), *лохушка* (жарг.) в речи молодежи. То же можно сказать и об оценочном компоненте в лексеме *неудачник*.

Эмоциональное состояние находит отражение в наименованиях лиц только как постоянное, характерное свойство человека, таких существительных не слишком много (*весельчак*, *бодрячок*, *оптимист-меланхолик*, *плакса*, *нытик*).

Таким образом, можно сделать вывод, что в функциональном плане самыми важными оценочно маркированными лексическими единицами являются существительные. В количественном отношении существительных с компонентом

оценки больше, чем слов других частей речи. Существительные номинируют ценности и антиценности, создавая систему национальных аксиологических ориентиров.

Список использованной литературы:

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
 2. Ильина Н. В. Структура и семантика оценочных конструкций. – М.: Русский язык, 1992. – 84 с.
 3. Маркелова, Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: Автореф. дис. . д-ра филол. наук. М., 1996. 47 с.
 4. Сергеева Л. А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2004. – 316 с.
 5. Складневская Г.Н. Категория оценки: основные понятия, термины, функции (на материале русского языка) // Оценка в современном русском языке: сб. научных статей, 2001. – 184 с.
 6. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М., 1996. – 231 с.
 7. Чернявская Е. А. К вопросу о семантике оценки и способам ее выражения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 2016. – 147 с.
- © К.К. Сегизбаева, К.В. Стадник, 2020

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 34.01

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ

*Гайдарева И.Н.**к.с.н., доцент**Гроина Н.С.**магистрант юридического факультета**ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»**г. Майкоп, Российская Федерация*

В связи с последними событиями, которые происходят в мировой политике, нельзя не уделить внимание таким общественным отношениям, как исключительные правовые режимы. Законодательство Российской Федерации регулирует общественные отношения в условиях исключительного положения, а именно: военного, чрезвычайного, особого положения, борьбы с терроризмом и др.

«Исключительные правовые режимы – это механизм осуществления государственно-правовой политики, которая направлена на укрепление основ государства, недопущения перерастания временного исключительного (особого) режима в диктатуру» [1]. Для определения фактических основ исключительных правовых режимов в российском законодательстве используются различные термины, такие как: «чрезвычайная ситуация», «угроза безопасности» (ст. 3 и 15 ФЗ № 390-ФЗ «О безопасности» от 28.12.2010), «бедствие», «чрезвычайное положение», «аварии», «стихийные бедствия» (ФКЗ № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001), «вооруженное нападение», «состояние войны», «военное время» (ФКЗ № 1-ФКЗ «О военном положении» от 30.01.2002 и ФЗ № 61-ФЗ «Об обороне» от 31.05.1996), «угроза интересам Российской Федерации на государственной границе» (ст. 30 и 31 Закон РФ № 4730-1 «О государственной границе российской Федерации» от 01.04.1993), «экологическое бедствие», «зона экологического бедствия» (ст. 5, 59 ФЗ № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002) и др.

Проанализировав российское законодательство можно сделать выводы, что законодательно закреплены три основных вида исключительного правового режима:

- военный;
- чрезвычайный режим;
- «особое положение».

Исключительный правовой режим основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права, гарантирующих демократичность и неущемление прав и свобод при применении мер чрезвычайного характера. В части 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации дается полный перечень прав и свобод российских граждан, которые не могут быть ограничены ни при

каких условиях, в том числе и при введении военного, чрезвычайного режимов и «особого положения».

Основными целями и задачами исключительного правового режима являются предупреждение и устранение последствий социальных катаклизмов, обеспечение безопасности граждан, защита их прав и свобод, обеспечение основ конституционного строя, интересов общества и государства, восстановление законности и правопорядка, регламентации сложных общественных отношений.

Исключительные и специальные правовые режимы являются самостоятельными правовыми средствами, как следствие каждый из них имеет отличительные, присущие только им особенности и признаки. Если исключения в праве и в процессе своей реализации, как правило, связаны с оценочными действиями правоприменителя, то исключительные режимы установлены законодательством и не предусматривают для их реализации обязательную оценку правоприменителем; если о наличии исключений в праве в нормативно-правовом акте законодатель обозначает при помощи таких формулировок, как «за исключением», «за исключением случаев», «в виде исключения», «в порядке исключения» и т.д., то о наличии исключительного режима можно сделать вывод из смысла и содержания норм права; исключительный режим направлен на создание от общего правила варианта регулирования и действует до тех пор, пока имеет юридическую силу правило, в то же время он предусматривает отличный от правового режима порядок регулирования сложных общественных отношений; «режим исключений предстает по отношению к правилам в виде: изъятия из правила; дополнения к правилу (иногда из совокупности изъятий и дополнений)» [21], в то время как исключительный режим регламентирует общественные отношения благодаря максимальному использованию правовых стимулов, ограничений, но смысловое значение понятия «исключительный режим» шире, чем исключения в праве.

В целях познания сущности такого правового явления как «исключительный правовой режим» возникает необходимость отграничить данное явление от понятия «особые условия». Четкое

определение и толкование указанных выше терминов имеет не только теоретическое, но и практическое значения.

А.В. Мелехин изучал исключительные правовые режимы как средство и метод государственного управления в целях «своевременного реагирования на возникающие угрозы. Применение обычных, повседневных правовых механизмов исполнительной власти в рассматриваемых условиях не всегда оказывается достаточным» [1].

Подводя итоги, можно отметить, что исключительные правовые режимы должны удовлетворять интересы, как отдельной личности, так и социальных групп, а также государства в

целом, повышать уровень правовой жизни всех субъектов, которые регулируют данный институт.

Список использованной литературы:

1. Мелехин, А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации: монография / А.В. Мелехин. – М.: Академия управления МВД России, 2008, – 143 с.

2. Суменков, С.Ю. Правовой режим исключений // Правовые режимы: общетеоретические отраслевые аспекты: монография / Под ред. А.В. Малько, И.С. Барзиловой / С.Ю. Суменков. – М.: «Юрлитинформ», 2012, – 145с.

© И.Н. Гайдарева, Н.С. Гроина, 2020

АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ С УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Евгений Питерски

*докторант Академии „Штефан чел Маре”
Министерства Внутренних Дел Республики Молдова*

Eugeniu Pîterschi,

*doctorand, Academia „Ştefan cel Mare”
a Ministerului Afacerilor Interne al*

Republicii Moldova

Eugeniu Pîterschi,

*PhD student, Academy „Ştefan cel Mare”
of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Moldova*

Резюме. Это исследование посвящено анализу субъективной стороны преступления по фальсификации доказательств с уголовно-правовой точки зрения, через призму характеризующих её признаков, такие как вина, цель и мотив. Следует отметить, что цель данного исследования не подразумевает выявление определений субъективной стороны преступления, которые уже упомянуты в специализированной литературе. Совершенно наоборот, исследование основывается на выявлении наиболее важных аспектов, которые предполагают субъективную сторону преступления по фальсификации доказательств, предусмотренного уголовным законодательством Республики Молдова.

С учетом данных предпосылок, в настоящей научной статье анализируется субъективная сторона преступления по фальсификации доказательств, основанная на множестве мнений, высказанных как в отечественной доктрине по специальности, так и в зарубежной.

Rezumat. Această cercetare este dedicată analizei laturii subiective a infracțiunii de falsificare a probelor din punct de vedere juridico-penal prin prisma semnelor ce o caracterizează, precum ar fi vinovăția, scopul și motivul. Totodată, precizăm că finalitatea acestei cercetări nu presupune relevarea definițiilor asemănătoare laturii subiective a infracțiunii care deja sunt menționate în literatura de specialitate. Cu totul altfel, studiul se axează pe precizarea celor mai importante aspecte pe care le presupune latura subiectivă a infracțiunii de falsificarea probelor prăzută de legea penală a Republicii Moldova.

Luând în calcul aceste premise, prin prezentul articol științific, este analizată latura subiectivă a infracțiunii de falsificare a probelor, având la bază multitudinea de opinii expuse atât în doctrina de specialitate autohtonă, cât și în cea străină.

Summary. This research is dedicated to the analysis of the subjective side of the crime of falsification of evidence from a legal-criminal point of view through the signs that characterize it, such as guilt, purpose and motive. At the same time, we specify that the purpose of this research does not imply the revealing of definitions similar to the subjective side of the crimes that are already mentioned in the specialized literature. However, the study focuses on specifying the most important aspects of the subjective side of the crime of falsifying the evidence provided by the criminal law of the Republic of Moldova.

Taking into account these premises, through this scientific article, the subjective side of the crime of falsification of evidence is analyzed, based on the multitude of opinions expressed in both the domestic and foreign specialty doctrine.

Ключевые слова: умысел, прямой умысел, мотив, преступление, уголовный закон, юридическая ответственность.

Cuvinte-cheie: intenție, intenție directă, motiv, infracțiune, legea penală, răspunderea juridică.

Keywords: intent, direct intent, motive, crime, criminal law, legal liability.

Введение. Субъективная сторона преступления представляет собой отражение или возможность сопутствующего отражения в сознании субъекта преступления объективных признаков совершенного деяния, то есть наказуемое действие или бездействие, последствия преступления, причинно-следственную связь между ними, а также остальные объективные признаки, характеризующие преступление в уголовном законе. Субъективная сторона преступления характеризует психологическое отношение преступника к своим действиям [2, с.155].

Субъективная сторона преступления представляет собой совокупность признаков, предусмотренных уголовным законом, которые обуславливают психическое отношение лица к совершенному им деянию. Она включает в себя только самые общие черты, существенные для такого рода навыков, предусмотренных уголовным законодательством в качестве признаков данного преступления - основные, квалифицированные (с отягчающими обстоятельствами) или привилегированные (со смягчающими обстоятельствами).

Подобно признакам объективной стороны, субъективная сторона имеет два признака: обязательный и факультативный. Обязательные признаки важны для квалификации преступления по фальсификации доказательств, а факультативные - для индивидуализации уголовного наказания и уголовной ответственности.

Невозможно говорить о преступлении по фальсификации доказательств, если отсутствуют элементы состава преступления, а в следствии, и субъективная сторона.

При привлечении лица к уголовной ответственности необходимо установить его психологическое отношение к совершенному деянию, выраженное в формах умысла или неосторожности.

Применяемые методы и материалы. Для реализации данного научного подхода уголовного права были использованы следующие методы: системный метод, сравнительный метод и, что не менее важно, логический метод (основанный на дедуктивном и индуктивном анализе). В процессе разработки научной статьи были использованы следующие материалы: Уголовный кодекс Республики Молдова, а также научные труды авторов отечественной и зарубежной специализированной литературы, которые отмечены в библиографии к данной статье.

Результаты и обсуждения. В отличие от объективной стороны преступления, которая выражает внешний аспект преступления, субъективная сторона отражает внутренний аспект. Субъективная сторона преступления характеризуется наличием следующих признаков: вина, цель, мотив и эмоции.

Субъективная сторона преступления – это процесс, который протекает в психике преступника, содержит в себе интеллектуальный момент (сознание), решающий момент (воля) и эмоциональный, которые характеризуются правовыми признаками как вина, мотив и цель преступника во время совершения преступления.

Вина, мотив и цель преступления могут быть напрямую указаны в законе. Таким образом, субъективная сторона преступления является одной из наиболее сложных проблем уголовного права, имеющей большое теоретическое и практическое значение.

Вина является обязательным признаком каждого преступления, а значит, и преступления по фальсификации доказательств. Она содержит в себе психическое отношение преступника к содеянному, без ответа на вопросы о причинах совершения преступления.

Вина содержит некоторые существенные элементы, без которых она не может существовать. Основопологающее место в преступлении по фальсификации доказательств занимает интеллектуальный и волевой момент. Интеллектуальный момент включает понимание человеком вредоносного характера своих действий или бездействий, возможность предвидения опасных последствий своих действий, их сущность и важность.

Субъективная сторона включает в себя те элементы духовного характера из содержания преступления, которые связывают материальный поступок с его автором, что фактически характеризует психическую деятельность лица во взаимосвязи с совершением преступного деяния, и в свою очередь состоит из интеллектуальных и волевых элементов.

Также утверждается, что субъективная сторона (психическое отношение преступника) состоит или сформирована из интеллектуальных состояний (отношение сознания, цели, аффективных и волевых состояний и мотивов преступления). Следует отметить, что в случае некоторых преступлений, для формирования субъективной стороны, посредством текста их вменения, предусмотрены и другие условия, соотносимые к мотиву и цели.

Фактически, преступная вина, помимо интеллектуальных и волевых факторов, в комплексе с внутренними психическими процессами преступного действия, должна охватывать цель или направление мышления преступника, направленные против защищенных законом общественных отношений. Это мнение поддерживается и зарубежной специализированной литературой [7, с.79].

В этом смысле, указанное мнение открывает возможность многостороннего и углубленного изучения виновности в уголовном праве, в тесной взаимосвязи и взаимовлиянием других элементов, содержащихся в составе преступления.

Другими словами, вина это не только психологическую связь преступника в соотношении с его действием или бездействием, рассматриваемое как изолированное явление, связанное лишь с нарушением социальных отношений или социальных ценностей, против которых оно направлено. Автор преступления, еще до представления своего преступного деяния, в отношении которого должен проявить определенную психическую позицию, прежде всего должен иметь понимание общественных отношений, охраняемые уголовным законом, в виду того что они продолжают оставаться юридическим объектом противоправного деяния. Только после того, как субъект понимает социальные отношения и сформирует своё отношение к ним, он постигает суть своего деяния во всех его аспектах.

Таким образом, интеллектуальный фактор предполагает, что человек осознаёт природу своего поступка, понимает общественно опасный характер своих действия или бездействия и предвидит его общественно опасные последствия. Только после восприятия социальных отношений, их понимания или осознания, субъект формирует определенное отношение к ним. Соответственно, предвидит общественно опасные последствия, желает их или допускает, даже если они и не приемлемы для него. В то время как, волевой фактор заключается в регулировании человеческой деятельности, в каждом случае принимается решение о том, совершать или не совершать определенные действия или бездействия, или сознательно направлять физические и умственные силы на принятие решения и соответственно, достижение поставленной цели или устранение препятствий и т. п.

Аналогичным образом отмечается, что эта неразрывная связь решимости, соответственно взаимовлияния и взаимного дополнения интеллектуальных и волевых факторов, делает вину духовной сущностью, воспринимаемой как диалектическое единство между физическим действием и его последствиями, посредством которого нарушаются или ставятся под угрозу определенные общественные отношения, защищенные уголовным законодательством. Следовательно, они сосуществуют в содержании вины и влияют друг на друга, как по способу своего проявления, так и по отношению в друг другу, налагая виновности определённое содержание [8, с.22].

Из этого можно заключить, что те психологические процессы, которые пробуждают преступную идею, провоцируют к действию, с подвигают субъект на принятие решения, направляют и контролируют всю физическую активность до завершения последнего действия преступления.

Таким образом, добровольное человеческое действие было бы немислимо без психических процессов, мотивов и целей. Вина, заключающаяся в психических процессах автора преступления – не

может быть лишена его эмоционального состояния, мотивов и целей.

Эти психические процессы всегда существуют в порядке объективности в содержании вины, независимо от того, носит ли она форму умысла или неосторожности. Соответственно и в случае преступлений, совершённых по неосторожности, материальное деяние является добровольным и чаще всего имеет свои собственные мотивы и цели, к которым мы более детально подойдём в связи с изъяснением каждого в отдельности. Согласно другому пониманию, только при таком восприятии преступной вины, будет возможно аргументировать философскую, психологическую и юридическую субъективную основу уголовной ответственности.

В то же время, какой бы форме не проявлялась вина, она в любом случае отображает совокупность интеллектуальных, волевых и мотивационных процессов, в непрерывных и разнообразных отношениях обусловленности и взаимовлияния. Справедливо отметить, что вина также может быть в комплексной форме, а и иногда и в ограниченной форме.

Всё же считается, что анализ следует начинать с правильного определения субъективной стороны, а не уголовной вины. Таким образом, румынский ученый Матей Басараб утверждает, что субъективная сторона представляет собой комплекс конкретных сознательных состояний, которые предшествуют и сопровождают внешние действия (действие или бездействие), направленные на создание конкретных вредоносных последствий и, если даже они не ориентированы на определённую направленность, в любом случае производят такого рода последствия, в виду легкомыслия или небрежности [1, с.106]. Таким образом, большинство доктрин признают, что основным элементом структуры субъективной стороны является вина. Последняя «представляет собой лишь синтетическое выражение всего субъективного аспекта, даже если иногда она связана с наличием психических проявлений, которые характерны и специфичны для субъективной стороны преступления» [5, с.115]. Это означает, что в конститутивном содержании каждого конкретного вида преступления, с объективной стороны должна сосуществовать и субъективная сторона, основной и неотъемлемой составляющей которой является вина.

Что касается уголовной вины, в специализированной литературе, была выделена идея, что вина, в свою очередь, воплощает в своем содержании сложность интеллектуальных, волевых и эмоционально-психологических процессов, которые побуждают субъект на принятие решения о совершении преступления и руководят всей его материальной деятельностью по исполнению общественно опасного деяния. Каждый из этих психических процессов представляет собой духовное отношение субъекта преступления, как к общественным ценностям, так и к

противоправному деянию и его последствиям. Что касается мотива и цели преступления, «они выходят за пределы вины, будучи в свою очередь, вторичным элементом субъективного аспекта преступления» [3, с.144-147].

В этом отношении мы так же отмечаем, что субъективная сторона преступления подразумевает совокупность психических состояний субъекта преступления, характеризующихся более сложным и глубоким диапазоном, содержащем в обязательном порядке, как вину, так и мотив или цель преступления, в порядке вторичных элементов. Таким образом, между виной и субъективной стороной преступления существует связь от частичной до целостной, без их полной идентификации. Именно поэтому вина не включает в себя все элементы субъективной стороны преступления. Таким образом, несомненно, что при изучении субъективной стороны преступления, необходимо уделять особое внимание проблемам, связанным с мотивом и целью преступления, которые во всех случаях влияют на формирование решения о совершении преступления. Всё же в финале, следует отметить, что даже если цель не присутствует во время совершения какого-либо преступления, поскольку как правило она не является его правомерным содержанием, преступная вина лица может быть реализована в независимости от принятия во внимание цели. Однако, это следует учитывать в случае индивидуализации уголовной ответственности и наказания при установлении степени вины.

Субъективная сторона содержит самые тонкие элементы преступления, без глубокого познания которых, не может быть под всеми аспектами учтена уголовная ответственность, следовательно, и реализация основной задачи деятельности судебных органов, а именно защита государственных законов.

Ссылаясь на преступление по фальсификации доказательств, предусмотренное обеими его нормами: ч.(1) и ч.(2) ст.310 Уголовного кодекса Республики Молдова, мы можем констатировать, что правильное разъяснение субъективного аспекта данного преступления, имеет особое прагматическое значение для правильной юридической классификации деяния, как обязательной предпосылки для транспонирования правовых положений.

В юридической литературе большинство авторов признают, что субъективная сторона преступления по фальсификации доказательств выражается прямым умыслом [4, с.453].

Важно отметить, что причинами совершения преступления по фальсификации доказательств, предусмотренного ст.310 Уголовного кодекса Республики Молдова, являются ненависть, эгоизм, материальный интерес, стремление получить некоторые нематериальные преимущества, сочувствие, чувство солидарности, ошибочно истолкованное и другие.

Не исключается совпадение причины преступления с эмоциями. Таким образом, в

гипотезе фальсификации доказательств, чувство солидарности, ошибочно истолкованное, может быть, как эмоцией, так и мотивом, включительно завистью или ненавистью. Считается, что при таких обстоятельствах эмоция носит решающий характер и соответствует мотивации злоумышленника. Кроме того, при совершении преступления по фальсификации доказательств может быть один мотив или конкурировать несколько мотивов. На практике, очень сложно установить мотив или мотивы, которые подвергли на совершение преступления, поскольку в зависимости от личности правонарушителя или других ситуационных факторов, мотивация преступления, не будучи конкретно указанной в обвинительной норме, может иметь очень различную вариацию. Более того, в правовой доктрине отражается концепция, что «глупость так же может быть причиной совершения преступления».

Восприятие степени вреда преступления, совершенного умышленно, проявляется в обязательном порядке с помощью:

1. *восприятие общественных отношений, которые будут нарушены путём преступления;*
2. *восприятие материальной деятельности, осуществляемой преступником и размеры присущего ей ущерба;*
3. *предвидение преступником общественно опасных последствий своего деяния.*

Под *восприятием общественных отношений, которые будут нарушены путём преступления*, подразумевается интеллектуальный фактор во взаимосвязи с охраняемыми уголовным законом социальными отношениями, с точки зрения понимания субъектом значения данных отношений для общества. В этом отношении подчеркивается необходимость понимания общественных отношений, на которые направлена террористическая деятельность, и ценность, которую они представляют для общества, ценность, выявленная неисчислимым объективным внешним проявлением, опытом, приобретенным лицом в его социальной среде существования.

Говоря о преступлении по фальсификации доказательств, следует отметить, что исполнитель должен осознавать важность уважения правосудия как общественную ценность, необходимую для социального сосуществования, которая в приоритетном порядке защищена при вменении данного противоправного деяния.

Восприятие материальной деятельности, осуществляемой преступником и размеры присущего ей ущерба состоит в осознании общественной опасности, совершаемых действия или бездействия. Под этим аспектом выражается интеллектуальный фактор во взаимодействии с материальным деянием (материальный элемент преступления), заключающимися в осознании тех состояний, ситуаций или обстоятельств, которые приписывают поступку антиобщественный характер. В этом смысле интеллектуальный фактор состоит из психических процессов понимания объективных обстоятельств, касающихся

преступной деятельности, инструментов, методов и средств ее осуществления, а также ее общественной значимости. Следует отметить, что субъекту достаточно знать о пагубном характере совершенного им деяния. Понимание уголовного характера деяния остается без определения юридически-уголовного значения. Уголовный закон подразумеваем преступлениями, поступки, которые как правило, в силу их общественной опасности, тем как они воспринимаются обществом, пробуждают в подсознании любого человека, включительно того, кто их совершает, их антисоциальный характер и тем самым, косвенно – их незаконность [6, с.269].

Волевой фактор прямого умысла характеризуется позицией, сформированной преступником к общественным отношениям, к своему материальному поступку, проявляемой в желании наступления опасных последствий.

Желание как правило является позитивной формой, четко определенной и намеченной в стремления к вредоносным последствиям. В этом смысле утверждается, что желание как психический процесс, является духовным переживанием субъекта преступления относительно последствий, которые должны возникнуть в будущем как неперенный результат.

Из положений ст.17 Уголовного кодекса Республики Молдова исходит, что при прямом умысле, волевой фактор опасных последствий проявляется желанием субъекта к их реализации.

Исходя из этих причин, волевой фактор в совершении преступления по фальсификации доказательств выражается желанием субъекта видеть реализацию деяния, независимо от наступления вредоносных последствий.

Это обстоятельство вытекает из идеи о том, что анализируемое преступление имеет формальный состав, и соответственно, нет необходимости выявления психологического отношения лица к вредоносным последствиям, поскольку они не являются обязательным признаком объективной стороны.

В результате проведенного исследования, вытекают следующие выводы:

1) субъективная сторона преступления представляет собой систему внутренних признаков, которые характеризуют преступление и отражают психологическое отношение злоумышленника к акту исполнения в целом.

2) исходя из семантики понятий, оперируемых законодателем в описании противоправного деяния, преступление, указанное в ст.310

Уголовного кодекса Республики Молдова, в обоих проявлениях, может быть совершено только умышленно;

3) что касается типа умысла, преступление, предусмотренное ст.310 Уголовного кодекса Республики Молдова, в обоих проявлениях, может быть совершено только с прямым умыслом. Эта особенность обусловлена тем фактом, что преступление, предусмотренное ст.310 Уголовного кодекса Республики Молдова, является формальным преступлением и считается оконченным в момент фальсификации доказательств, независимо от того, были ли они допущены впоследствии или были заложены в основу каких-либо процессуальных действий.

4) мотив преступления, предусмотренного ст.310 Уголовного кодекса Республики Молдова, в обоих проявлениях, является обязательным признаком, имея значимость для квалификации. Субъект преступления действует с конкретным желанием, основываясь на определенном мотиве: ненависть, эгоизм, материальный интерес, желание получить не патримониальные преимущества, сострадание, неверное толкование чувства солидарности.

Библиографические ссылки:

1. Басараб Матей, Уголовное право. Общая часть, Том I, Клуж-Напока, Издательство Университета «Бабеш Болай», 1988.
2. Бородак Александр, Руководство по уголовному праву. General Part, Кишинев, Издательство Наука, 2005.
3. Биро Л., Басараб М. Курс уголовного права Р.П., Бухарест, Издательство „Дидактика и Педагогика”, 1963.
4. Брынзе Сергей, Ульяновский Ксенофон, Стати Витали и другие, Уголовное право. Special Part, Кишинев, Издательство Картьер, 2005.
5. Донгороз Винтилэ, Фодор Иосиф, Кахане Зигфрид, Илиеску Николета, Оанча Ион, Булай Костикэ, Стэною Родика-Михаела, Теоретические объяснения уголовного кодекса Румынии. Общая часть. Том I, Бухарест, Издательство «Румынская Академия», 1969.
6. Добриною Василе, Нистореану Г.Х., Паску И., Мольнар И., Лазарь В., Борой А., Уголовное право. Общая часть, Бухарест, 1994.
7. Полачек Ф., Состав преступления, Москва, 1960 – и – Дагель П.С., Содержание и сущность вины в советском праве // Правоведение, № 1/1969.
8. Лекшас Дж., Вина как субъективная сторона преступного деяния, Берлин, 1955.

Ежемесячный международный научный журнал

«LINGVO-SCIENCE»

№30/2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Главный редактор – Никола Бернич , Варна, Болгария
- Заместитель редактора— Златка Марусевич , Phd, Bulgaria
- Helmi Vjorndalen, secretary of “КАМ” Bulgaria
- Zigmund Manke – доктор экономических наук, Baden, Germany
- Харечко Юрий Владимирович, канд. техн. наук
- Кувшинов Геннадий Евграфович, доктор техн. наук, профессор
- Бирюлин Владимир Иванович - кандидат технических наук, зам. зав. кафедрой электроснабжения Юго-Западного государственного университета.
- Елена Михайловна Арнаутова, д.б.н., БИН РАН
- Максим Игоревич Козловский, д.фарм.н., Витебский государственный медицинский университет (ВГМУ), Витебск, Беларусь
- Павел Георгиевич Горовой, академик РАН, Тихоокеанский институт биоорганической химии ДВО РАН, г. Владивосток
- Игорь Георгиевич Зенкевич, д.х.н., НИИ Химии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ)
- Галина Юрьевна Конечная, к.б.н., БИН РАН
- Александр Михайлович Крышень, д.б.н., Институт леса Карельского научного центра РАН (ИЛ КарНЦ РАН)
- Татьяна Александровна Михайленко, к.б.н., БИН РАН
- Анатолий Петрович Кароль, д.б.н., СПбГУ
- Андрей Викторович Милевский, к.б.н., Институт экспериментальной ботаники им. В. Ф. Купревича НАН Беларуси, г. Витебск
- Тамара Николаевна Харьковская, к.б.н., Всероссийский институт растениеводства им. Н. И. Вавилова, г. Санкт-Петербург
- Ирина Николаевна Борисюк, к.б.н., БИН РАН
- Вера Алексеевна Котова, д.б.н., Центральный сибирский ботанический сад СО РАН, г. Новосибирск

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Редакция журнала «LINGVO-SCIENCE»

Адрес редакции: Ж.к Младост II 149-4 9020 Варна, Болгария

Сайт: www.lingvo-science.ru

E-mail: journal@lingvo-science.ru

Тираж 1000 экз.

Ежемесячный международный научный журнал

«LINGVO-SCIENCE» © 2018